

Мансуров Андрей

18+

Под игом чудовища

Тёмное фэнтези

Андрей Мансуров
Под игом чудовища

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мансуров А. А.

Под игом чудовища / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Враг независимой Тарсии, чародей Хлодгар, не гнушается никакими средствами борьбы - в том числе и наследием, оставшимся от Предтеч: странными и непонятно действующими аппаратами. В которых рождаются всё новые и новые виды монстров, орды которых он регулярно насылает на людей. Но вечно так продолжаться не может - и король Тарсии наконец приказывает провести глубокую разведку территорий врага...

Содержание

Под игом чудовища.	5
1.Капитан.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Под игом чудовища.

1.Капитан.

Кракен старался планировать мягко и бесшумно.

Не то, чтоб он боялся кого-то распугать, или наоборот – привлечь. Нет, он никого и ничего не боялся. Просто он привык всегда так летать – спокойно, плавно, бесшумно. Солидно и с достоинством, как и подобает представителю его Племени. То есть – без суеты и ненужного шума. И без лишних затрат энергии. Вот и сейчас он затормозил только перед самой посадкой: всего в паре футов от груди намеченного трупa в элегантном хлопке раскрыл полностью свои великолепные чёрно-агатовые крылья. Разумеется, уход за ними занимал очень много времени, но оно того стоило: крылья – предмет его гордости.

Переступив с ноги на ногу, Кракен грозно встопорщил перья на загривке: нет, никто пока больше не претендует на это тело. Вот и хорошо. Потому что он терпеть не мог, когда ему мешали. И не задумываясь пускал в ход тяжёлый прочный клюв, которым легко раскалывал орехи, а при случае мог дробить и кости. Оглядев ещё раз горизонт и близлежащие окрестности, он привёл загривок в нормальный вид. Нет, никто из огромного чёрного замка выйти и что-то сделать с трупами не торопится. А коллеги-конкуренты облюбовали себе каждый другие тела, поодаль: благо, этого добра на обширном пространстве равнины хватает.

Он посмотрел вниз. Отлично, вот и лицо, откуда обычно удаётся выклевать особо сочные и мягкие кусочки. Но что-то с этим лицом... не так. Не найдя на привычном месте ноздрей, и придиричиво повыбрав, он наконец клюнул – в то место, что всегда считал деликатесом: в глаз.

ТЬфу! Что за гадость ему попалась?!

Это, конечно, не человек, да и вообще ни на что из того, что он пробовал до сих пор не похоже, но...

Но по-идее предполагается, что всё, сделанное из мяса, что летает, ходит, ползает и просто существует на этой земле – съедобно! Для него. А тут...

С отвращением поперебирая в клюве то, что удалось вырвать с первого раза, Кракен оказался вынужден выплюнуть это обратно.

Не-ет, это не мясо! Это, это... Какая-то странная субстанция: мало, что волокнистая, и до жути жёсткая, так ещё и с отвратительным привкусом аммиака – словно труп кто-то специально обо...ал! А ведь это невозможно. Кракен сам видел, как упал, пронзённый стрелой, этот странный... назовём пока условно – нечеловек, и больше к нему никто не приближался. Да, странно, странно...

Нужно попробовать клонуть и в другие, не защищённые одеждой, или доспехами, места. Может, у этого непонятого создания просто глаза так устроены?

Однако это тоже не помогло.

Ни кусок ноги, ни кисть руки, сжимающая обоюдоострый узкий меч, ни обнажившаяся при падении часть живота по вкусу и консистенции от первого куса ничем не отличались. Б-р-р!.. Мерзость. Кракен, конечно, не слишком разборчив или брезглив, но тут...

Нет, пусть *это* ест кто хочет. Например, гиены. Кроты. Или крысы – говорят, они как раз и славятся тем, что питаются любой, даже полусгнившей, падалью. А он...

Всё-таки родовая, да и личная гордость есть и у него.

Да и опасно: мало ли... Потом будешь страдать несварением желудка, или коликами в кишечнике. Весь опыт предыдущих трёхсот лет жизни предостерегал его от того, чтоб утолить обычный, а вернее, уже достаточно сильный, голод – *этим!*

Оглянувшись вокруг, он заметил, что из всех его соплеменников лишь старый Розенкат ещё пытается что-то из своего трупa выклевaть. Остальные же сидят на телах с не то удивлённым, не то – возмущённым видом, а некоторые – уже явно готовясь улететь прочь! И в этом имелся смысл: если эти странные создания с оружием, бегущие на юг, будут снова нападать на людей, живущих не в такой вот твердыне-крепости, а в обычных посадах или селеньях, то обычные, в-смысле, людские, трупы – точно появятся.

Значит – на юг! И он не против первым подать пример.

С возмущением каркнув, он снова расправил пятифутовые крылья, и, мощным ударом когтистых лап оттолкнувшись от неприветливой груди, унёсся прочь: туда, куда, собственно, и бежала до этого вся эта огромная орава несъедобных монстров – к плодородным пахотным землям, к стадам, лугам и полям. К обильному на дары природы приветливому сердцу лежащей за крепостью страны.

Может, все эти монстры и правда убьют несколько людей.

И тогда удастся высмотреть какую-то более привычную и съедобную...

Пищу!

Набат в какой-то степени оказался лорду Дилени кстати.

Он вовремя вырвал лорда из лап очередного мерзкого кошмара: битвы с кем-то неописуемо уродливым и смертельно опасным: когти, клыки, оскаленные нечеловеческие рожи, загибающиеся мускулистые конечности – твари наседали на него со всех сторон, вопя, воя и рыча, да ещё обдавая зловонным запахом из разверстых пастей... И в середине всего этого кошмара, словно воплотившего одну из сцен искушений святого Антония – он, рубящий и колющий из последних сил окружившие плотным кольцом волосатые, и остро воняющие мокрой свалявшейся шерстью, потом и мочой, лохматые тела-туши!..

С другой стороны, полностью придя в себя, отбросив поскорей опасности кошмара и оценив опасности действительности, но не мог не порадоваться хотя бы про себя: если с кошмаром и его порождениями не больно-то повоюешь, и ему, вероятней всего, пришлось бы опять погибнуть в муках, чтоб проснуться, здесь, наяву – всё по-другому.

Есть реальный враг, которого, как он знал по предыдущим столкновениям, можно убить! Осталось лишь выяснить, кто это будет на этот раз.

Вбежал адъютант, он же и личный денщик: сержант Буттерс, махавший рукой в направлении северной стены:

– Милорд! Там!.. Нападение!

– Да, сейчас иду. – по должности коменданта крепости Милдред лорду Дилени полагалось знать, куда он должен направиться немедленно, чтоб начать руководить своим гарнизоном, если в дополнительных указаниях возникнет нужда. Хотя вряд ли: люди отлично вышколены, опытни, и наверняка уже заняли, или занимают штатные места, как положено делать по сигналу общей тревоги.

Натянув только штаны и кольчугу, и застёгивая уже на ходу пояс с ножнами, лорд Дилени не мог не закусить губы: раз часовые или, что верней, их непосредственное начальство – командир дежурной смены – посчитали нужным ударить в набат, опасность, угрожающая замку Милдред – и правда, реальная. И серьёзная! Следовательно, нужно не мешкая, и даже не теряя времени на одевание тяжелых доспехов, бежать туда, на стены. Чтоб уже там, на месте, решать: то ли нужно сразу вступать в сражение, то ли – пока просто принять командование, и оценить, какие дополнительные распоряжения нужно отдать до начала битвы!

Быстрым шагом проходя по тёмным и извилисто-узким коридорам, построенным так, чтоб запутать врагов, даже если б им удалось прорваться на стены и внутрь, и всё время меняющим направление и ширину проходам-переходам, поднимаясь и спускаясь по ступенькам, лорд внимательно вглядывался в окна-бойницы, и то, что за ними. Нет, никакой рассвет, или

даже намёки на отблески зари не видны. Холодные и немигающие звёзды светят, как ни в чём ни бывало. Следовательно, сейчас, судя по степени сгорания факелов, и положению звезды Юпитера, что-нибудь около двух часов ночи. Или чуть больше. Потому что уже пахнет... Приближающейся зарей.

Странно. Непонятно, почему враг предпочёл напасть ночью, обычно он старается сделать это, когда уже рассвело. Ну, или хотя бы светает.

Выйдя из дверного проёма башни на парапет северной стены, он осмотрелся.

Всё верно: он безошибочно определил угрожаемое направление: именно туда обращены взоры всех стражников, которых он видит отсюда. Собственно, можно было и не сомневаться, что новое нападение последует именно оттуда: с запада к Милдреду ближе всего – непроходимая и незамерзающая даже в лютые морозы Энгаденская трясина, а за ней – союзная Парассия, и её столица, Лория, расположенная от Милдредра всего-то в сотне миль. На востоке, начинаясь в миле от подножия замка, простирается Бискийский залив моря Блестящих рыб, но от нападения оттуда защищает практически неприступный скалистый берег, и эти самые рыбы – чтоб проплыть по чёрно-зелёному морю, нужен не простой деревянный корабль, который изничтожается зубами этих самых рыб за пару недель, а обитый медными листами. Чего сейчас практически никто себе позволить не может – дорого!

А на юге – страна, которую и призван защищать и охранять их замок: Тарсия.

Лорд и сам подошёл к внешней стене и выглянул в одну из бойниц. Темно. Но...

Да, точно: в полумиле от замка что-то движется. Какой-то чуть более чёрный, чем просторы окружающей замок тёмной каменистой равнины – словно бы ковёр. Оживший. И состоящий, как можно, приглядевшись, понять, из отдельных, весьма быстро приближающихся, тел.

К Дилени подбежал лейтенант Кнут Расмуссен:

– Милорд капитан! Я посчитал нужным объявить общую тревогу! Вот – не угодно ли взглянуть?

Дилени кивком поблагодарил, приняв из рук лейтенанта уже раздвинутую подзорную трубу. Навёл на передовой вал нападающих. Хм-м...

Нападать они, похоже, и правда – собирались. В руках – а вернее, в коротких и мускулистых лапах! – странных человекообразных фигур имелись короткие же, узкие, и сильно изогнутые, мечи, похожие, скорее, на сабли, у некоторых имелись клевцы, и кое у кого – палицы и булавы. Левое плечо каждой твари прикрывал немаленький, но явно нетяжёлый, потому что практически, как было видно, не мешал бежать, щит: вероятней всего, из дублённых шкур, натянутых на каркас из гибких ветвей тала или лозы. С прослойкой в середине из чего-нибудь вроде ваты. Отлично помогает от стрел. И даже копий.

Примитивное, но вполне адекватно действующее оружие ближнего боя. Только вот если они и правда собираются штурмовать Милдред, где их...

– Милорд! Прикажете открывать огонь по готовности? Когда будут на расстоянии выстрела?

– Нет. – что-то помешало лорду Дилени отдать привычный и почти неизменный в таких случаях стандартный приказ, предусмотренный Уставом, – Огонь открывать только по моей команде.

– Есть, господин комендант! – лейтенант штоком с оранжево-зелёным полотнищем на древке немедленно сделал три круга над головой, ещё и трижды дунув в свисток, дублируя приказ начальства, и лучники, уже добежавшие из казарм в подвалах, и занявшие свои привычные места возле бойниц, чуть отступили, сняв стрелы с уже натянутых тетив.

– Лейтенант, распорядитесь немедленно начать переноску на стены дополнительных валунов.

– Уже сделано, сир!

– Отлично. Значит, будем ждать.

– Простите, милорд, но вы... – в тоне, да и во взгляде лейтенанта Дилени услышал и увидел недопонимание. Если назвать это столь мягким словом, – Так спокойны! Ведь наверняка сейчас на нас нападут! И с такими тварями мы раньше не встречались!

– Да, верно. С такими – не встречались. – лорд старался говорить медленно и действительно спокойно. Хотя сам этого самого спокойствия отнюдь не ощущал. Но не за способность держать в узде свои эмоции его назначили командиром гарнизона чуть ли не самого главного замка северных рубежей – хотя в том числе, конечно, и за неё. А за наблюдательный и острый глаз. И ум, делающий спокойные и логические выводы там, где обычный человек наверняка бы увидел нечто ужасное и неизвестное, и поддался, если не панике, то порыву принять. Недалекие или – что куда хуже! – поспешные и ошибочные, пусть и привычные, стандартные, предусмотренные Уставом, решения.

– Твари, без сомнения, новые. И вооружены неплохо. Однако.

Я не вижу ни одной осадной лестницы, или чего-то вроде катапульт для метания камней или зажигательных снарядов. И летать бескрылые существа вряд ли могут. Залезть же по нашим стенам с помощью когтей им тоже будет проблематично – потому что тогда придётся выпустить из рук – вернее – лап! – оружие и щиты. Но если они всё же полезут, нам же легче: станут лёгкими мишенями. Стрелять же нам в этом случае никто не мешает: я не вижу у них ни луков, ни арбалетов! Так что повторяю: стрелять – только по моей команде. Не нужно расходовать стрелы зря – у них отличные щиты.

– Так точно, милорд капитан. Понял, милорд капитан. – в глазах лейтенанта теперь было искреннее восхищение, но в голос он уж постарался его не пускать. Из соображений сохранения остатков элементарного самоуважения, как понял Дилени. – Разрешите идти?

– Ступайте. Прикажите дежурным через... Нет, прямо сейчас – разжечь сигнальные костры на башнях. Все пять.

– Есть, милорд!

Лейтенант убежал, и какое-то время Дилени слышал его нарочито громкие и уверенные распоряжения. Которые исполнялись буквально в ту же секунду – в чём, в чём, а в выучке и дисциплине его людям отказать ну никак нельзя.

Гарнизон у них в крепости небольшой, только-только оборонять периметр стен. Не более двухсот человек. Две роты. Но – из ветеранов. Да оно и правильно: где же ещё их использовать, как не на самом рискованном направлении, и в самой надёжной и укреплённой приграничной крепости? Дающей возможность «работать» из-под прикрытия высоких прочных стен. Поэтому и навыки, и дисциплина, и боеспособность – на высочайшем уровне.

Повезло ему с ними.

Теперь бы не свалить дурака, и не допустить напрасных потерь среди доверивших ему свои жизни людей. Верящих в правильность принятых им решений. А он...

Так ли он действительно уверен, что нападающие не начнут вот так, без подготовки, и оборудования, и прямо в лоб – штурмовать чёртовы пятидесятифутные стены?!

Нет, он в этом не уверен. Потому что враг, с которым им все эти годы приходится воевать, отбивая всё новые и новые прямые атаки, и ликвидируя предательские поползновения исподтишка, изобретает всё новые и новые ходы и способы. Одна только атака гигантских кротов, пытавшихся подрыть землю в основании фундамента четыре года назад чего стоит. Хотя... Этим-то не позавидуешь: почвы у фундамента Милдредра – кот наплакал: фута два. Каменистой, жёсткой, неплодородной. И уж конечно стены их повидавшего виды замка стоят не на ней. А – на скальном основании! Так что кротов, поневоле выдавших своё местоположение предательскими кучками камней и земли, или сотрясанием почвы, быстро перебили. И даже выкопали нечто вроде рва вокруг стен – чтоб уж никто больше незамеченным!..

А нашествие гигантских крыс на поля и посадки окрестных фермеров?! А гигантские же летучие мыши-вампиры, перепортившие массу скота, и могущие заразить человека проказой с одного укуса?..

Да мало ли...

Но вот новые твари и приблизились на расстояние пятидесяти ярдов – теперь странные и угрожающие лица-морды видно отлично, поскольку в котлах на стенах разгорелись дозорные костры. И в таганах под котлами со смолой – тоже. А на башнях – огромные сигнальные.

А странно выглядят нападающие, и их действия. Будто они или очень храбрые, или очень глупые. (Ну, или таковы их непосредственные начальники!) Никаких шлемов или забрал на головах. Тела прикрывают только щиты и что-то вроде тощеньких на вид кольчуг – нет даже обычных пластинчатых щитков на плечах, груди и предплечьях.

Следовательно, череп у тварей должен быть сам по себе очень прочным: нужно предупредить людей, чтоб не старались попасть стрелой, копьём, или мечом в голову.

Сами морды не показались Дилени уж слишком безобразными – враг не заморачивается больше конструированием отвратительных образин в попытках сразу напугать людей. Поскольку они привыкли, и не пугаются. Нет, тут всё функционально: огромные глазницы, с глазами, явно отлично видящими в темноте и сумраке: уже замечен их непривычно большой размер, и даже вертикальный зрачок – оптика у его трубы отменная. (Спасибо мастеру Хориносу!) Вместо носа – просто два чёрных отверстия: ноздри. Рот... Нет. Скорее – пасть. С хорошо видимыми, и отсвечивающими в свете дозорных костров, факелов, и разгоревшихся в полную силу на всех пяти башнях огромных сигнальных костров, жёлто-оранжевым цветом, мелкими зубами. (Ну, относительно мелкими – то есть, почти как у человека!) Но здесь ещё имеются и дюймовые клыки: чтоб, стало быть, рвать куски из тел противников, если дойдёт до рукопашной.

Значит, до неё допускать никак нельзя!

– Внимание, гарнизон! – Дилени знал, что голос у него грозный и громкий. Как поговаривали, в ветреную погоду с подветренной стороны замка капитана слышно за пару миль! Да и кричать ничто не мешает: противник несётся к стенам молча, без обычного рёва или визга, – Целиться в туловище, и шею! В голову стараться не стрелять и не бить мечами и копьями! Огонь приказываю открывать по готовности, как только полезут на стены! Хозяйственное отделение! Приготовить котлы со смолой и камни! Применять только по моей команде!

Котлы на подставках-таганах, с уже начинавшей закипать смолой, подогреваемой топливом из жаркого каменного угля, уже пыхтели тягучими пузырями и дымились тут же, в простенках, наполняя воздух тяжёлым неприятным запахом и копотью от подгорающего битума, а валунов было навалено рядом с каждой бойницей – кучами, но так, чтоб не мешать подходу к штатным местам для стрельбы. И в почти каждом таком месте уже стояли его лучники.

Дилени заставил себя выдохнуть, и ещё раз оглядеться: нет, никакой паники, все собраны и деловиты. А то, что за этой деловитостью скрывается готовность и способность хладнокровно и методично делать неприятную работу – то есть, проще говоря, убивать! – он знал. И был очень даже доволен, что никто в рядах их гарнизона не засоряет свою психику, как чёртовы барды, сектанты-пацифики, и веганы, «высокими» соображениями на предмет того, что «Убивать любые живые существа, пусть они и не люди – плохо! А уж есть их – вообще грех!». Таких моралистов в армии Тарсии попросту нет. Да даже и среди фермеров-веганов их сейчас почти не осталось. Научены горьким опытом.

Есть тварей чёрного лорда – ладно, нельзя. (Да они как правило и несъедобны: даже собаки нос воротят!)

А вот убивать – очень даже можно. И нужно. Чтоб выжить самим. И не позволить убить или покалечить своих родных и близких!

Дилени увидел, как первая стрела, выпущенная лучшим стрелком их гарнизона – ефрейтором Догерти! – нашла свою цель: особо крупный монстр, действительно сбросивший под стену щит и засунувший за спину меч, с разбегу попытался «взлететь» вверх, уповая на прочные когти, по зацепкам, имеющимся в местах выщербленной стене, и щелям меж слагающих её камней. Ну вот и получил попадание прямо в горло. И неплохое, надо сказать, попадание: стрела вошла почти до самого оперения! Тело, правда, упало с небольшой высоты – всего футов с десяти. Но забралась тварь туда быстро. Удивительно: какая цепкость! Словно у мухи. Или геккона. А ещё лорда поразило то, что тварь не разразилась, как бывало с поражёнными обезьянами, крысами или летучими мышами, предсмертными оглушительно-раздражающими визгами агонии, и рёвом.

Странно. Немые монстры им попались, что ли?!..

Начали стрелять в пытающихся забраться и остальные лучники. Было чертовски приятно, что его указания выполняются чётко: кольчуга, или то, что её заменяло тварям, действительно оказалась слабенькой: проникновению в тела стрел с закалёнными бронебойными наконечниками, выпущенных из тугих армейских луков на расстоянии менее ста футов, практически не препятствовала! Хорошо.

Взять в руки свой лук, уже принесённый вместе с двумя колчанами сержантом Буттерсом, лорд однако не спешил: ему сейчас важнее выяснить, какие ещё сюрпризы несёт тактика и стратегия использования врагом этих, новых, существ. А для этого он должен держать глаза широко открытыми, и не отвлекаться на то, что профессионалы сделают и без него. И сделают хорошо.

Ага: вот это интересно.

Когда первый вал нападавших словно откатился назад, потеряв до полусотни убитых в первую же минуту, очевидно, последовала какая-то команда. Потому что те твари, что сломя голову продолжали нестись к крепости, перегруппировались: стали собираться в кучи! И выстраивать под стенами крепости, увязая в липкой полужидкой грязи, что осталась во рву после последнего дождя, нечто вроде пирамид! Тела тварей громоздились друг на друга, достигая местами высоты в десять-двенадцать футов, но выше подняться не могли: стрелы гарнизона выкашивали тех монстров, что стояли в основании таких куч-пирамид, и живые лестницы всё время колебались и разрушались, распадаясь на распластанные недвижно по земле, или ещё корчащиеся тела!

Спустя не более чем через ещё пару минут явно последовала какая-то новая команда, потому что все нападающие вдруг развернулись и кинулись назад, от стен!

Дилени мог бы поручиться, что не слышал ни этой команды, ни рога, ни барабанов, ни свистков, ни вообще – всех тех средств, которыми обычно на чертовски шумном поле боя отдаются те или иные команды воинам. Однако с очевидным фактом не поспоришь: в непривычной тишине, без обычного злобного рычания и пронзительного визга нелюдских глоток, или стонов и воя раненных, разрозненная толпа, бегущая не в строю, а явно так, как кому удобно, даже не в шахматном, как случалось однажды, порядке, ринулась назад от стен Милдредра практически одновременно, и быстро. И не прошло и минуты, как даже последние, ближайšie, её ряды оказались вне зоны поражения даже из самого мощного лука – в трёхста шагах!

Дилени крикнул на всякий случай:

– Прекратить стрельбу! – но лучники и сами уже практически перестали стрелять: разумно. Стрелы нужно поберечь. Ведь враг сегодня не оказывает «ответную любезность» – своими стрелами гарнизон не обстреливает. Так что воспользоваться трофейными орудиями, дистанционно несущими смерть, то есть, проще говоря, чужими стрелами, не удастся, – Интендант и хозяйственный взвод. Отставить камни и смолу!

Вот теперь на него оказалось обращено несколько десятков недоумевающих глаз: obsлуга котлов явно хотела насладиться огненным шоу, и теперь разочарована! Да и ... с ними: смолу

тоже лучше приберечь. До следующего раза. А в том, что он рано или поздно состоится, лорд Дилени не сомневался.

Гарнизон было загудел, но под внимательным оком начальника очень быстро прекратил обсуждение произошедшего, и вернулся на свои боевые места: нападение не закончено! Враг не отбит, а лишь отступил. Возможно, чтоб снова перегруппироваться. Возможно, чтоб дожидаться прибытия более подходящих орудий или механизмов. Возможно... Да мало ли! Так что команды отбоя тревоги никто пока не отдал!

А вот сам лорд теперь, после отступления тварей, призадумался.

Потому что никаких признаков того, что штурм возобновится, не имелось.

Зато имелось кое-что похуже: разрозненные толпы тварей внезапно так же, как до этого к замку, неспешным, монотонно-крейсерским, бегом, пустились себе дальше – на равнину за крепостью! И те, что продолжали набегать с севера, тоже сразу направились туда же, обтекая, словно поток – валун, их твердыню! И имея конечной целью явно проникновение в глубину страны.

Это что же – получается, их крепость будут просто... Игнорировать?!

Дилени подозвал лейтенанта. Когда тот прибежал, приказал:

– Никому пока со стен не уходить. Стрелять – только если снова полезут на штурм. Если это, или что-то на ваш взгляд подозрительное или необычное, случится – звать меня! Я у себя в кабинете.

– Есть, милорд!

Быстрым шагом Дилени двинулся к себе в кабинет. Сейчас, когда он был вдали от костров и смолы, в воздухе уже совершенно отчётливо ощущался тот неповторимо свежий запах, что бывает перед самым рассветом – значит, твари выбегут к посадам и селениям как раз к восходу солнца. Опасно! Для людей. Впрочем, население вокруг Милдредра – не глухое, и так и так не дремлет: разбужено набатом. И сигнальные костры на башнях им отлично видно.

Бумага, чернильница и перо для посланий у коменданта Милдредра всегда находились на рабочем столе, наготове. Сев, лорд Дилени сощурился. На секунду закусил опять губы. Вздыхнув, аккуратно, мелкими каллиграфическими буквами, написал:

«Сир!

Сегодня в три часа ночи нас атаковало не менее пяти тысяч новых тварей. Выглядят человекообразно, и размером почти с людей. Вооружены мечами, цепами, булавами, клевцами и лёгкими щитами. Одеты в кольчуги. Тяжёлого оружия, или осадных орудий пока не видно. Лучников или арбалетчиков пока тоже нет.

После первого штурма стен Милдредра, произвести который пытались, карабкаясь с помощью когтей прямо по стенам, отступили. Мы отстреливались в штатном режиме. Кольчуги вражеских солдат на близком расстоянии пробиваются шестигранными наконечниками легко. Твари от стен отошли, выйдя из зоны эффективного поражения, и потеряв убитыми примерно сто бойцов, но систематическую осаду не производят, и, насколько я могу судить, не собираются. Вместо этого со всей возможной скоростью бегут, огибая замок вне зоны поражения из наших луков, вглубь страны.

Общую численность пока точно определить невозможно, но мимо нас уже пробежало никак не меньше десяти тысяч тварей, и новые всё прибывают с севера, и движутся сразу вглубь страны. Это представляется существенным: раньше противник к такой тактике не прибегал. Считаю, что всё мирное население, особенно фермеры, находится в непосредственной и немедленной опасности. Мы в такой ситуации сделать с этими ордами вряд ли что-либо сможем: их на удивление много, а Вы сами знаете, что для вылазок у нас сейчас просто недостаточно сил.

Жду Ваших распоряжений,

Ваш покорный слуга,

Комендант Милдредра, капитан Дилени».

Помахав листком, чтоб просохли чернила, лорд ещё и подул на него. Быстро и аккуратно свернул в маленький плотный цилиндр. Вложил в тонкостенную берестяную капсулу. Взял колокольчик, стоящий тут же, на столе, но удержал руку от того, чтоб позвонить. Вместо этого отложил колокольчик в сторону. Придвинул к себе новый лист. И написал второе, слово в слово повторяющее первое, послание.

После чего встал, и лично прошёл в почтовую башню, заодно убедившись, что побледневший ночной сумрак из-за начинающегося рассвета уже окрасил стены замка и всё ещё бегущих мимо него тварей в тёмно-серый цвет.

Наверху, в главной комнате почтовой башни, всё было наготове: дежурный капрал, его помощник, клетки, горящий факел. Отдав нужные распоряжения, лорд проследил, как старший птицевед аккуратно и надёжно прикрепляет цилиндрики с его посланиями к лапкам двух самых быстрых голубей из клетки с надписью сверху: «Клауд».

Выпустил пожилой морщинистый мужчина вестников с интервалом не больше минуты. Обернулся к лорду, словно тот не смотрел на всё происходящее лично:

– Готово, милорд!

Лорд, кивком показав пожилому профессионалу, что удовлетворён, прошёл снова на северную стену: теперь, даже если с одним из голубей что-то случится, можно быть почти уверенным в том, что его послание дойдёт. И, возможно, это позволит сохранить чьи-то жизни. А уж если долетят оба...

Дилени не сомневался, что и это поймут правильно. Лорд Говард умён.

Ладно, какой-то резерв времени у окрестных сёл на подготовку к обороне есть, поскольку набат их колокола слышно более чем за десяток миль. Близлежащая округа замка малонаселенна – почвы неплодородны и каменисты. (Иначе просто не из чего было бы возводить его стены!) И от Милдред до Дробанта, столицы, стоящей среди густонаселённых лучших пахотных земель Тарсии – верхом часа три. Правда – галопом. Но никто из тварей не был верхом. Значит – не менее пяти-шести часов, даже быстрым бегом.

А вот лёту – всего час, или даже меньше. Король должен получить послание с достаточным запасом времени на принятие нужных решений.

Осторожный, а затем и более громкий и требовательный стук в дверь заставил лорда Говарда скривиться: пришлось повернуться на левый бок, и проклятая рана опять отдалась в рёбрах острой болью. Сдерживаясь, чтоб не морщиться, и не шипеть, он крикнул:

– Войдите!

Дверь подозрительно быстро распахнулась, и дежурный капитан – сегодня ночью эту роль исполнял Густав Паулюс – с факелом в правой руке буквально вбежал в спальню. В левой руке у озабоченно хмурящегося усача были зажаты два клочка бумаги:

– Милорд! Простите, но думаю, вам нужно немедленно ознакомиться!

Сдержав очередной стон, лорд Говард сел. Взял в руки обе протягиваемые ему бумаги. Он сразу узнал характерный размер почтовых донесений, и понял, что голуби скорее всего прибыли из замка Милдред. (А откуда же ещё!) А ещё подумал, что раз уж голуби прибыли, снаружи уже рассвело. Тем лучше. Лорд Роберт Дилени не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков. Следовательно, на его послание придётся как-то реагировать. И, как бы ни сложилось, хорошо, что это будет происходить днём, а не во мраке безлунной ночи.

Да, верно: почерк лорда Дилени: аккуратный и разборчивый. Лорд Говард мог бы поручиться, что таковым он остался бы даже в случае, если б коменданту Милдред только что отрубили в схватке ногу. Или руку. Но хочется верить, что до этого не дошло.

Прочтя оба послания, лорд позволил себе подумать несколько секунд. Спросил:

– Эти голуби прилетели вместе?

– Нет, милорд! Второй прибыл буквально через минуту после первого. Дежурный ловчий принёс мне первое послание, а когда я уже выбегал из кордегардии, его помощник прибежал со вторым посланием.

Лорд Говард отлично знал, как устроена голубиная почта в их замке. Стоит почтовому посланцу сесть на жердочку у входа в отчую голубятню, в комнате персонала, дежурящего как раз на такой случай, звенит колокольчик. И если промежуток времени, пока дежурный снимает послание с ноги вестника, и момент, когда его читает старший дежурный офицер гарнизона, больше минуты, голубятника могут наказать. И весьма серьёзно. Поэтому когда ловчий бросается с депешей к получателю, на его место заступает помощник – нельзя ни на минуту ослаблять бдительность!

– Вы сами прочли послание, капитан?

– Разумеется, милорд!

– Отлично. В таком случае вы знаете, что делать.

– Так точно, милорд!

– Я подойду в зал Совета через десять минут. Чтоб к этому моменту все офицеры Штаба были там.

– Есть, милорд!

– И пришлите немедленно моего ординарца! Мне нужно разослать приказы!

Ещё не затихли звуки топота сапог по плитам коридора, а лорд Говард уже нацепил прямо на ночную рубашку кирасу, и натянул на ночное трико кольчужные штаны. Влез в сапоги. Одел каску. Плевать на этикет – король должен узнать о произошедшем (И, похоже, происходящем!) немедленно!

Но вначале – несколько фраз о ближайших незамедлительных действиях приграничных и внутренних гарнизонов прибежавшему стремглав, тоже явно наспех накинувшему камзол, и застёгивавшему штаны на бегу, лейтенанту Фруму – что конкретно написать комендантам каких гарнизонов, тот отлично сообразит и сам!

Потому что стандартный план действий для таких случаев разработан.

И разработан давно!

Бежать, словно какой-нибудь юный (Ну, сравнительно!) капитан, лорд Говард считал ниже своего достоинства. Да и не по чину и возрасту. Но и мешкать в таком деле – преступление!

Он дошёл до королевских апартаментов быстро – замок у них, конечно, большой, и запутанный – дань архитектурным традициям запутывать врагов! – но его положение верховного Главнокомандующего даёт ему привилегию жить меньше чем в паре минут ходьбы, и даже на одном этаже-уровне с покоями его Величества. Дежурные гвардейцы из личной гвардии чётко вскидывали руки к каскам в приветствии, и щёлкали сдвигаемыми каблуками – лорд отвечал не останавливаясь.

Стучал в дверь королевской спальни лорд Говард сразу сильно и уверенно. Едва начал было стучать повторно, изнутри прозвучал вполне громкий и отнюдь не сонный ответ:

– Да, лорд Говард, войдите уже, чёрт побери!

То, что король у них вполне на своём месте, и отличается завидным здоровьем и неплохими мыслительными и прочими способностями, лорд Говард знал и так – так что очередное подтверждение в виде имеющейся в королевской постели прикрытой откинутым одеялом пикантно-стройной миниатюрной фигуры очередной фаворитки было ему для этого вовсе не нужно. Ну а то, что монарх сходу догадался, кто это позволяет себе стучать ему в дверь именно таким образом во внеурочное время, говорило о том, что тот тоже всегда настороже и готов ко всему.

Лорд мысленно вздохнул. Он и сам почти всегда ощущал себя так же: словно сидишь на пороховой бочке – мало ли что может случиться! Враг у них такой, что ни на секунду не позволяет расслабиться, или утратить бдительность и отменную физическую форму. Именно поэтому тренировки гарнизона – ежедневные! И не глупая и бессмысленная муштра с чисткой до блеска того, что чистить вовсе не обязательно, или топанье по плацу с отбиванием чёткого шага, а – занятия с оружием, тренировка выносливости, стрельба в цель, и отработка приёмов именно – боя.

Пока король читал оба послания в свете факела, который лорд Говард просто прихватил из ближайшего к монаршим покоям держака, прикрикнув на стражу, чтоб озаботилась срочной доставкой нового взамен позаимствованного, бугор под одеялом, завлекательно выглядевший даже в таком виде, лежал не шелохнувшись. Но лорд всё равно догадался, кто это может быть: на последнем ужине сир Ватель из династии Рюген, их король уже четырнадцать лет, уделял вполне адекватное внимание, хитро улыбаясь себе в усы, леди Маргарет Рашель, вдове лорда Генри Рашель. Вот теперь стало понятно, почему после смерти лорда в бою с гигантскими крысами (А вернее – от воспалившихся ран, нанесённых их зубами!) полтора года назад, король не разрешил бездетной леди удалиться от Двора в фамильный замок мужа. И приказал присутствовать на всех официальных приёмах и празднествах.

Но траурный наряд леди сняла в положенный срок: ровно месяц назад.

Лорда Говарда немного корбило, разумеется, то, что настоящую королеву, леди Наину, честно выполнившую супружеский долг, и подарившую его величеству двух наследников и трёх наследных принцесс, уже лет пять король не удостаивает, если можно так сказать, положенным вниманием. С одной стороны – отвратительный пример для подданных. Но с другой – разумеется, дань условностям и традициям: нужно же выглядеть достойно в глазах всех этих послов, и собственного Двора. Отец сира Вателя, сир Галевин, менял фавориток каждый год. Каждую весну. И до самого момента смерти от ран, полученных на охоте от дикого вепря, на которого этот упрямый и могучий мужчина охотился так, как завещали предки – с одним копьём! – выполнял в постели то, что положено там выполнять. Да так, что позавидовали бы и иные молодые!

Поэтому традиции династии Рюген нужно соблюдать. Потому что «оружие», которым не пользуются – ржавеет. Да и для досужих сплетен при дворах как союзников, так и потенциальных (А откровенных врагов у их страны сейчас нет!) врагов нужно давать пищу. Поэтому любовницы нужны. Положение обязывает, так сказать!

Ну и, разумеется, фавориток его король меняет всё же не столь часто, как соседи и союзники, а почти как отец: не чаще одной в год. А не каждые два месяца, как, например, сир Филипп, правитель Карпадоса. Или раз в полгода, как лорд Бромберг, герцог Сапани. И уж конечно, не так, как сир Эрих, король Парассии – тот не довольствуется одной дамой сердца, а имеет всегда не меньше трёх одновременно: одна – в фаворе, две – дожидаются очереди на королевскую, так сказать, милость. В виде внезапного визита-посещения.

А ещё нужно отдать справедливость его синьору в смысле трезвости подхода: три из четырёх его предыдущих фавориток тоже были вдовами, а одна – ещё незамужней фрейлиной леди Наины. Так что никаких недовольных и потенциальных мстителей-предателей в виде мужей-рогоносцев у них при Дворе не водилось. Всё-таки, вероятно, в том числе и *поэтому* сейчас у них при дворе куда меньше интриг и напряжённости, чем бывало при...

Да, разумеется, как тут не вспомнить мамочку короля – при ней уж такого точно не бывало. В принципе. Она буквально спать не могла, если вокруг не происходило чего-то эдакого. Подковёрного. Или – открытого. Конфронтация. Скандалы, дуэли. Сплетни, толки, клевета. Да, уж королева-мать явно чувствовала себя не в своей тарелке, и, вероятно, считала, что жизнь проходит тускло, и бессмысленно, если вокруг не кипели страсти, не было интригующих, злословящих, ненавидящих, и завистников – люто завидующих тем, кого осознанно про-

вокационно – то есть, прилюдно! – привечают и осыпают милостями... А завтра – гнобят! Или вообще – отправляют в изгнание. Или темницу. Вон: камер в подвалах Клауда, королевского замка – десятки! Правда, сейчас большая часть – пустует.

При леди Рюген такого точно не бывало.

Потому что уж королева-мать не сидела сложа руки, и собаку, как говорится, съела в смысле столкнуть лбами своих подданных. И действительно буквально пила мёд, когда кто-то кого-то... А уж «изменников-заговорщиков» как ловко отлавливала!.. Удивительно, как это она ещё самого лорда Говарда не трогала. Возможно, оттого, что он и во дворце-то почти не бывал: фактически всё время проводил в инспекционных поездках по замкам-крепостям, да на манёврах.

Ладно, про мёртвых – ни слова хулы.

Сир Ватель дочитал. Опустил руку с бумажками на белоснежную простыню. Закусил ус, как обычно делал в минуты задумчивости. Поднял глаза:

– Лорд Говард, зная вас, я не сомневаюсь, что вы уже распорядились...

– Да, сир. Я разослал и гонцов и голубей во все гарнизоны на севере, приказав немедленно выступать. Тем, что на востоке и западе – велел приготовиться к обороне наших вспомогательных фланговых валов и редутов. Гарнизоны при столице уже тоже оповещены, и готовятся выступить. И я приказал членам Совета собраться в зале Совета.

Ждут только нас.

– Прекрасно, прекрасно, лорд Говард. В вашем высочайшем профессионализме и здравом уме я и не сомневался. Но...

Пока мы наедине – что *вы*, вы сами, думаете насчёт всего этого?

– Я думаю, сир, что положение наше весьма... Сложное. Раз лорд Дилени пишет, что твари – новые твари! – размером с людей, многочисленны, длительных и заведомо бессмысленных схваток, могущих задержать их, то есть – с профессиональными войсками в крепостях, избегают, хотя и вооружены, значит, фермерам точно придётся солоно. Это если сказать мягко. Урожай... Вероятней всего погибнет.

Ведь пшеница и ячмень как раз вызрели, а кое-где уже и подсохли – до покоса оставалось не больше недели. И весеннее сено... готово. Время выбрано точно. Если потравить и сжечь удастся больше, чем половину урожая наших северных угодий – голод населению Тарсии почти что гарантирован. А если они прорвутся дальше к югу, может погибнуть и весь урожай! Что будет тогда, вы и сами понимаете.

– Плохо.

– Плохо, сир. Идёмте?

– Идёмте, милорд. А, да. Минуту. – последовал сильный хлопок королевской дланью по тому месту, где явно круглились аппетитные полушария окончания спины, после чего последовала естественная реакция: из-под одеяла сказали: «Ай!»: – Дорогая. Если хоть кто-то хоть что-то узнает про наш с лордом Говардом разговор, я прикажу тебя четвертовать. Как *государственную* преступницу. Мысль понятна?

Из-под одеяла донеслось сдержанное всхлипывание, и вполне разборчивый ответ чуть охрипшим (Вероятно, от волнения!) голосом. То, что их король слово своё держит, прекрасно знали все: от последнего пажа до Главнокомандующего армией:

– Да, мой повелитель!

В зал Совета король входил уже в полной походной форме: в сапогах, кольчужных штанах и кирасе. И, разумеется, шлеме с шикарным плюмажем. Одеться сюзерену помог, снова наплевав на этикет и традиции положенной многоступенчатой и сложной процедуры, сам лорд Говард: не до дотошного и скрупулёзного ковыряния вышколенных холуёв-лакеев – время не терпит!

Члены Совета, командующие дивизиями пехоты и стрелков, флотом, и кавалерией, уже расселись за огромным дубовым столом, занимавшем весь центр пятидесятифутовой в диаметре комнаты. Потолок круглился сводом в добрых сорока футах над столом.

Сделано это было неспроста: так от стен, не покрытых даже гобеленами, любого говорящего отделяло не меньше двадцати футов – не больно-то подслушаешь, даже через дыры в стене! Наличие которых контролировалось регулярно.

Король не стал изображать задумчивость или выдерживать паузу. Быстро пройдя к своему месту, он просто скомандовал не терпящим возражений тоном:

– Прошу садиться, господа. Дело, как вы все уже, несомненно, догадались, срочное. И важное. Я бы даже сказал – самое важное за последние десять-пятнадцать лет. Не буду вас томить: лорд Говард, будьте добры, зачитайте послание лорда Дилени.

Жаль, что во время неторопливого и чёткого чтения депеши лорд Говард почти не имел возможности проследить за лицами присутствующих – поэтому не мог точно сказать, кто что чувствует и думает. Зато когда он закончил чтение, подняв голову, реакция командующего флотом, адмирала Хьюго Ван Ден Граафа, недвусмысленно показала, что этот пожилой и уважаемый человек испытывает:

– Проклятые твари! Это... Это просто нечестно и подло – *так* воевать!

Лорд Говард подумал, что командующему флотом, собственно, легче всех. Наверняка никакой особой задачи в предстоящих действиях армии ему отведено не будет: реки, по которым могут плавать его корабли, в пресной воде только и имеющие возможность существовать, вряд ли будут задействованы – твари атакуют по суше!

Сир Ватель покачал головой, в возникшей паузе переглянувшись с лордом Говардом, и понимая, что остальные присутствующие пытаются не поддаваться эмоциям, а осмыслить ситуацию, и подобрать наиболее разумные способы справиться с ней. На реплику командующего флотом ни он, ни кто-либо другой не отреагировали: вот именно – одни эмоции, никакой конкретной конструктивной мысли. Наконец король прервал молчание:

– Лорд Говард, как Главнокомандующий, уже взял на себя инициативу. Разослал всем нашим северным гарнизонам через гонцов и почту приказ немедленно выступать, чтоб перекрыть западное и восточное направления возможного прорыва. Так же наверняка уже заняли свои места и гарнизоны при западном и восточном валах. Путь к столице наш Главнокомандующий приказал пока оставить открытым – у нас есть вал Адриана. Туда мы сейчас и поведём основные силы армии.

Однако не думаю, что с новой напастью удастся справиться быстро. Лорд Дилени всегда трезво и объективно оценивает ситуацию, поэтому если он пишет, что мимо Милдредра пробежало около десяти-пятнадцати тысяч тварей, значит, так оно и есть. А такое количество пусть и более слабых, чем наши бойцы, воинов – это очень... Существенно.

Ясно, что в короткий срок, особенно если они рассредоточат силы, или просто разбегутся по полям, действуя как партизаны-диверсанты, вряд ли управимся. Нам не известно самое важное: какова главная цель этого нападения. Одно дело – если они хотят попытаться просто потравить и пожечь наш урожай. Другое – если убить всех фермеров и других жителей приграничных земель. Первое мы восстановим сравнительно легко. Второе...

С этим вторым будут значительные проблемы.

Если население приграничных районов окажется истреблено, нам будет *очень* трудно заселить эти земли вновь.

Возникшую гнетущую паузу снова никто не прервал. Король побарабанил пальцами по столешнице:

– Ладно. От предполагаемых последствий вернёмся к непосредственным насущным проблемам. То есть – к тому, как бы нам поскорее справиться с этим нападением. Кто-нибудь хочет высказаться?

– Позвольте, сир? – голову от столешницы поднял лорд Жорес, командующий первой сухопутной дивизией.

– Прошу, лорд Жорес.

– Я вот что хотел бы сказать. Я не знаю, кто и что надоумил нашего врага применить новую тактику, но думаю, она может оказаться весьма... Действенной. Да, если вырежут наших фермеров – нет сомнения, что заселить снова приграничные земли будет трудно. Чертовски. Но вот что странно. Раньше ведь враг не применял такую трусливую тактику? Ну, я имею в виду, конечно, не крыс и летучих, а обычных – сухопутных тварей. Ну, тех, обезьяноподобных. Враг тогда там, у замка, останавливался, и, как положено, начинал капитальную осаду Милдредра. С осадными орудиями и таранами. И не пренебрегал осадой и окружающих нашу главную северную твердыню соседних крепостей.

Что же заставило его отступить от, так сказать, традиций?

Лорд Говард взглянул на короля:

– Позвольте, сир?

– Прошу, лорд Говард.

– Лорд Жорес, я хотел бы вам напомнить, что ни о какой «традиционной» тактике у нашего врага речи быть не может. И было бы неправильно говорить о том, что ему делать «положено» и что «не положено». Враг у нас – не человек. А колдун. Ну, или считает себя таковым. Он коварен, подл и беспринципен. И насылает на нас то полчища крыс, то ядовитых летучих мышей-вампилов. А отряды привычных нам сухопутных монстров, достаточно похожих на самых обычных обезьян, он применял против нас лишь дважды: пятнадцать, и девять лет назад. Причём во второй раз отряды тварей были и более многочисленны, и лучше вооружены. И – главное! – отлично обучены. И организованы. Вот они-то и пытались, действительно, осаждают наши приграничные крепости «как положено».

И что это нашему противнику дало? Вот именно: недвусмысленное понимание того факта, что против дисциплинированной и отлично обученной профессиональной пехоты, и действующих под прикрытием надёжных стен профессиональных лучников его недоноски-недоумки ничего сделать не могут.

В самой первой кампании, пятнадцать лет назад, наши потери составили не больше взвода. Во второй «обезьяньей» кампании число наших убитых достигало одного полка. При том, что у врага было убито до двух дивизий. Или больше. И все кампании отличались скоротечностью. Не более нескольких дней. И с точки зрения тактики или стратегии враг не показал ничего выдающегося. Он действовал словно по шаблону: вероятно, именно поэтому мы и справлялись столь – не скажу легко, но без особых проблем. Потому что знали примерно, чего ожидать. Если вспомните, у нас тогда больше всего времени и сил ушло на закапывание всех этих трупов.

А поскольку мы имеем дело явно не с обычным человеком, типа наших соседей – других сюзеренов, говорить о какой-либо привычной, или изощрённой «стратегии» смысла вообще нет. Сейчас речь идёт о том, что враг нашёл подлый и сравнительно простой способ вероятней всего – убить часть наших северных земледельцев, и при этом напугать жителей приграничных районов, да и всех остальных граждан страны. И измотать и обескровить экономику нашего государства. А, соответственно, и его обороноспособность. И мне искренне жаль, что в своё время, три года назад, мы не нашли времени и сил, чтоб продлить на запланированные пять миль часток у вала Адриана – его всё ещё можно обойти. Поэтому сир, – лорд Говард перевёл взор с лорда Жореса на короля, – Я вновь прошу вас: когда эта кампания закончится, нужно во что бы то ни стало восстановить вновь в полном объёме эту систему укреплений!

Король не мог не поморщиться:

– Лорд Говард. При всём уважении – мы уже много раз обсуждали этот вопрос. Вы же сами согласились, что серьёзной помехой организованному войску, или крысам, и уж тем

более – крылатым тварям частокол, и эта система рвов и валов – не преграда. Как, собственно, и хорошо организованному и руководимому опытным стратегом войску. Можно достаточно быстро прорубить брешь в частоколе. Или засыпать фашинами на небольшом участке ров глубиной и шириной даже в тридцать футов.

– Но сир! Пока враг прорубает брешь, или засыпает такой ров, он, во-первых – привязан к этому месту, а во-вторых – пока он этим занят, туда как раз очень даже легко подтянуть войска гарнизонов близлежащих крепостей и форпостов! Или резервы. А так – лорду Дилени даже не было смысла выводить гарнизон на вылазку: вокруг – чистое и почти ровное поле! У врага же – море возможностей не подвергать себя риску смерти: беги себе, не вступая в бой, и просто держась подальше от лучников – сколько душеньке угодно!

– Хорошо, лорд Говард. Позже мы обсудим эту проблему ещё раз. Потому что теперь ясно, чего добивался наш враг. Того, чтоб мы уверовали, что он якобы проникся уверенностью в неэффективности «традиционных», отрядами сухопутных монстров, нападений, и их больше не будет. А заодно выжидал, пока за эти девять лет осенние ливни и оползни не приведут ров и палисад вала Адриана в более легкодоступный для прохода его тварей вид. Согласен: наше упущение, что не озаботились углублением рвов. Однако сейчас нам нужно решить другую, куда более остро стоящую задачу.

Как нам быстрее и лучше спасти тех, кто сейчас изо всех сил сражается за себя, своих близких, и свой урожай.

Марат проснулся от нехорошего предчувствия. И точно: тут же в уши ударил раскатистый далёкий гул: набат с башен Милдредра слышно в ночной тишине отчётливо, хоть и доносится он через разделяющие их восемь миль!

Значит, на замок кто-то напал!

Собственно, нетрудно догадаться, даже с одного раза – кто!

Хлодгар.

И его очередные твари.

Проклятый колдун, чёрный маг, непримиримый и неукротимый враг всего живого на земле! Изошрённый монстр, чудовище, насылающее то орды волосатых уродов, похожих на древних орангутангов, то ядовитых летучих мышей, то гигантских крыс! Действующих то огромными стаями, то небольшими, словно партизанскими, отрядами. А в прошлом году были ещё чумные комары – у пострадавших так дико чесались укусы, что расчёсывали до кровавых волдырей! Конечно, заноса в ранки разную заразу... Двое из их посада, старая Летифе, и её внучка Каринэ, даже умерли – от заражения крови.

И что там на этот раз?!

Запрыгнув в сапоги толстой кожи, и на ходу натягивая подшитую толстым войлоком куртку, Марат кинулся в сени. Штаны натягивать ему было не нужно: все мужчины их деревни спали в штанах. Научены. Горьким опытом. Вслед раздался встревоженный голос жены, которая и сама быстро одевалась:

– Рукавицы! Рукавицы не забудь! И шапку!

Разумно. Потому что от укусов каких-нибудь летучих-ползучих тварей именно рукавицы и шапка с пришитым задником, закрывающим шею и уши, спасает неплохо.

Из оружия Марат выбрал огромный нож-кинжал, саблю, и, разумеется, мощный составной лук: в колчане всегда хранится не меньше тридцати стрел!

Рукавицы засунул за пояс с оружием, шапку напялил на голову.

Дьяк Андрон уже залез на колокольню их маленькой церквушки, и разжёл сигнальный огонь из приготовленных и политых маслом и смолой сухих дров на его выложенной кирпичами-черепицами крыше. И теперь вовсю наябничал, колотя в небольшой приходской колокол, сопровождая в перерывах оглушительный трезвон истошными выкриками:

– Тревога! Тревога! Набег! Мужчины! Берите оружие! Женщины! Прячьтесь сами и детей прячьте в погреба!

Марат подумал, что можно было бы и не орать: всё население Рохнака прекрасно знает, что кому надлежит делать, когда звучит набат Милдредра. Сам Марат во весь дух бежал ко второй башне – их небольшое селение окружал частокол из наклонённых наружу заострённых десятифутовых кольев-брёвен, а башен у квадратного в плане палисада с идущим по всему периметру помостом на удобной для стрельбы высоте, имелось всего четыре – по углам. Но вот он и преодолел тридцать восемь досок-ступеней.

Роберт и Локхид уже ждали там, на площадке, Роберт, приставив ладонь козырьком к глазам, пытался что-то высмотреть в непроходимой, и чёрной, словно кишки кашалота, чащобе леса, отделённого от палисада небольшим вырубленным пространством. Дохлая затея. В темноте, рассеиваемой только искорками редких тусклых звёздочек, невозможно было разглядеть ничего – потому что огонь сигнальной вышки бросал оранжевые блики только на те стволы и кусты, что стояли впереди, в тридцати шагах. А то, что находилось дальше, тонуло в мрачной и угрожающей опасности, подчёркиваемой всё ещё гудящим набатом Милдредра, темноте. Абсолютной. Марат чертыхнулся про себя.

И угораздило же чёртовых предков расколошматить чёртову Луну! Говорят, она светила очень даже прилично. Да и ладно: сожалеть смысла нет. Он буркнул, подходя:

– Привет, Роберт, привет, Локхид.

– Привет, Марат. – говорящий вполголоса Роберт даже не глянул в его сторону, продолжая что-то выглядывать за стволами, а Локхид только кивнул, проворчав что-то типа «угу!»: он как раз натягивал тетиву на лук.

А что – это дело! Да и явно пора. Кто бы ни напал на замок лорда Дилени, на лошади оттуда как раз четверть часа! Марат и сам в два движения привёл оружие в боевой вид, проверил колчан за спиной: порядок! На помост палисада под ними между тем взбегали всё новые и новые посадники, но поток «подкреплений» иссяк через минуту: всё боеспособное население, умеющее держать лук и меч в руках, уже было тут, на стене!

Марат окинул освещаемое уже угасающим сигнальным костром воинство: плохо. Сейчас их осталось всего сто семь мужчин. И это – считая восемнадцать двенадцати-тринадцатилетних юнцов, едва могущих удержать в руках тяжеленный боевой лук, и восемь ветеранами – пятидесяти-шестидесятилетними, согнутыми радикулитом и подагрой, седовласыми беззубыми старцами. А до набега крыс было сто двадцать восемь. А до летучих мышей – сто сорок шесть. А до...

Его невесёлые мысли прервал Роберт, прошепавший:

– Вижу! Вон там! И там! – он указал прямо пальцем. И точно: приглядевшийся и привыкший к темноте глаз Марата выделил за кромкой обращённых к костру оранжевых стволов, движение более плотных невысоких теней!

– Да, я тоже вижу. Локхид?

– Не знаю, какого ... вы там увидели. – их напарник подслеповато шурился, поворачивая голову то чуть налево, то чуть направо, – Для меня вокруг – только стволы!

Марат подумал, что оно и верно: Локхиду скоро пятьдесят три. И если с возрастом приходит боевой опыт и мудрость, то кое-что и отнимается. Например, острота зрения. И слуха. Но вслух Марат сказал не то, что думал:

– Да и ладно. Не бери в голову. Когда полезут – сам увидишь.

– А... Как хотя бы выглядят?

– Ну... Фигуры похожи на людские. – не повышавший голоса Роберт и сам шурился, не забыв, однако, наложить стрелу, – Только ростом пониже. Короче: коренастые и мускулистые. Ходят на двух. А ещё покрыты шерстью. Или чешуёй? Ну, там, где не прикрыты кольчугой.

Но, вроде, лохматые не так сильно, как те, орангутанги. Из оружия вижу мечи и щиты... А, ещё дубины-палицы. Но луков, вроде, нет. И копий тоже.

– Отлично. Значит, даст Бог, успеем нанести какой-никакой урон, пока будут бежать и лезть.

– Ага.

Больше никто не сказал ни слова, но Марат с одобрением оглянулся на шум внутри посада, после которого сразу стало гораздо светлее: дьяк Андрон как раз умудрился огромными, приспособленными именно для этого, вилами, закинуть на крышу центральной сторожевой башни новую порцию промасленного хвороста, громко матерясь и шипя: явно опять что-то свалилось сверху, и дьяка наверняка снова обожгло!

На северо-западе, где, как помнил Марат, располагался посад Борисовоглебский, начало разгораться обширное зарево: наверняка это твари что-то подожгли! Не то – сам посад, (что маловероятно) не то – поля ржи и овса вокруг него.

А вот это плохо. Значит, соседи останутся без урожая! И похоже, что скоро подожгут и их поля – они к югу от Рохнака. И соседям, да и односельчанам Марата, если удастся отбиться, грозит голод. Если же не удастся... Вот именно – им будет уже всё равно.

Трепещущее зарево теперь явственно обозначилось на горизонте, светя ярче, чем даже восходящее на востоке светило.

Свора чудовищ за стволами словно только этого и ждала: хотя Марат не услышал ни слова, но сомневаться в том, что кто-то отдал команду, не приходилось: плотными рядами огромная толпа волосатых и отсвечивающих оранжевым по кромке кольчужных силуэтов, тел, выскочила из леса и понеслась к тыну! Марат злобно усмехнулся: добро пожаловать, твари! Наконечники стрел закалённые, бронебойные. Набивший руку за тридцать лет кузнец Коростас, познакомившись девять лет назад с чудодейственным рецептом, делает их такими, что не помогают даже латы, которые нацепляют на себя, например, элитные отряды короля! А тут – какие-то жалкие кольчужки, и дохленькие щиты!..

Первых двух монстров Марат уложил, даже не задумываясь, как именно всё-таки выглядят их враги на свету. Автомат внутри его рассудка чётко определял точку, куда целиться: первому – в шею, не прикрытую щитом, второму – прямо в центр груди! Подбежавшего совсем уж близко третьего удалось застрелить, попав в глаз: вот когда рассмотрел лицо – тьфу ты – рожу! – и выматерился про себя: ну и уроды!

Выстрелы его коллег тоже легко находили свои жертвы: щиты из чего-то лёгкого, явно типа каркаса из прутьев, обтянутого кожей и проложенного несколькими слоями плотной ткани, или ваты, практически почти не ослабляли силы и пробивной способности стрел, выпущенных из мощных составных луков – спасибо мастеру Карфагу! (Впрочем, похоже, щиты предусматривались не для стрел в упор, а для ближнего боя с пехотой!)

Но вот враг и преодолел тридцать шагов вырубки. Теперь вокруг орали и ругались, откладывая луки и хватаясь за мечи и сабли, собравшись по оружию. Марат же продолжал стрелять, даже когда твари попытались с разбегу запрыгнуть на верх частокола брёвен: идиоты! Брёвна снаружи политы скользким до умопомрачения секретом из желёз белок-спирменов: ...рен залезешь!

Так и получилось: первый вал атакующих, словно налетев на невидимую преграду, скаля зубы от злобы и разочарования, повалился на землю, размахивая в воздухе короткими мускулистыми конечностями: не ждали, гады!

Пока там, внизу, царил неразбериха и паника из копошащихся во рву тел, Марат, несколько удивлённый отсутствием визга гнева или предсмертной агонии, продолжал стрелять, стараясь попасть туда, где этих самых тел было побольше: пусть он так разит и не насмерть, но его попадания могут лишить раненных тварей подвижности, крови, и, соответственно, сил!

Кое-кто из его братьев по оружию, увидев, что частокол тына остался пока неприступен, снова похватал луки: пример Марата впечатлил!

Сколько тварей он успел уложить, Марат так и не узнал: враги сориентировались в ситуации быстро. (Ну, или опять – получили неслышный приказ!) Теперь монстры начали строить и громоздить пирамиды прямо из своих тел: в нижний ряд вставало десять – пятнадцать приземистых коренастых тварей, на их плечи залезало пять-шесть, и уж с плеч этих полисад оказывался доступным тем монстрам, что, теперь тихо визжа, вереща, и скалясь, споро ползли прямо по спинам!

Марат пострелял ещё – по пирамидам. Но на место убитых быстро вставляли всё новые и новые монстры, а ещё новые и новые орды прибывали и прибывали из леса – казалось, потоку тварей не будет конца! Да сколько же их там!..

Но вот пирамиду, и не одну, построили и вблизи их башни. Пришлось взяться за саблю и кинжал.

Щитов Марат не признавал принципиально: во второй руке он держал обычно кинжал, поскольку почти одинаково владел как левой, так и правой. Это помогало. Особенно против орангутангов, которые были вооружены лишь мечами, без щитов. Теперь враг постарался эту тактическую оплошность исправить, но не слишком преуспел: Марат видел, что те из тварей, что забрались-таки на помост тына, щиты всё равно побросали там, внизу – те им явно мешали! Ну так и славно: вам же, идиотам недоделанным, хуже!

Первую тварь, размахивавшую шипастым шаром на цепи при деревянной рукояти, Марат просто обезглавил, внезапно сделав быстрый гигантский шаг навстречу, и позволив лезвию сабли выскочить вперёд, до самого ограничительного шара! Тварь явно не подозревала, что сабля у него – на более чем футовой рукояти, и глубина зоны поражения таким оружием достигает пяти футов!

Со второй пришлось повозиться: эта каким-то образом умудрилась отбить своей кривой саблей его удар, и вступила в ожесточённую сечу: Марат понял, что уж эта-то гадина прошла обучение! Но поскольку щит его противник оставил, как и большинство других влезших, внизу, кинжал Марата уже через три секунды вонзился тому прямо в горло! А саблю монстра Марат просто блокировал своей. Зато морду этого чудовища Марат успел-таки как следует разглядеть и вблизи. Его мнение несколько не изменилось – урод он и есть урод! Пусть и не такой мерзкий, как те, обезьяноподобные.

Однако передохнуть не позволяла ситуация на помосте: кое-где людей потеснили, и некоторых даже убили, и сейчас лавина волосатых тел пёрла неудержимым потоком туда, где в защите гарнизона образовалась брешь! И самым плохим Марату показалось то, что прорвавшиеся твари вовсе не стремились зайти к защитникам стены в тыл, нет! Вместо этого они, словно зная, где искать, разбегались по избам, пытаясь взламывать двери, и явно намереваясь вскрыть и погребать!

А там отсиживаются самые драгоценные жители Рохнака: женщины и дети.

Марат заорал, показывая рукой. Воевода Сантос, тоже вполне оценивший угрозу, явно что-то подобающее приказал тем, кто находился возле него. Вероятно – перегруппироваться в строй номер два. Люди, яростно вопя, и размахивая копьями и мечами, кинулись вперёд по помосту стены, стремясь ликвидировать брешь в своей обороне!

Но силы были слишком неравны.

Монстры всё прибывали и прибывали: вот уже они прорвались внутрь и в ещё одном месте стены, и ещё... Марат увидел, как какой-то особенно крупный и противный монстр вспорол живот от паха до груди Ленуру – тринадцатилетнему мальчишке, только год, как начавшему держать меч одной рукой: кишки вывалились на помост, тварь запуталась в них, оскользнулась, и оскалившийся и, похоже, не чующий боли в угаре боя Ленур смог возить свой кинжал, зажатый, как и у Марата, в левой руке, твари в живот. Тварь, раззявив пасть в почти неслыш-

ном крике, вдруг отбросила свой меч. И схватила мальчишку обеими лапами за плечи, словно собираясь в гневе отгрызть тому голову... Ленур в ответ зарычал, оскалив зубы. Так они, сцепившись, и упали внутрь посада.

Какое-то время Марату было не до наблюдений: на него напало сразу три твари, оказавшихся очень настырными и живучими, он рычал и матерился, уже вслух, рубя и раздавая щедрые пинки налево и направо кованными носками сапог, но затем на него сверху, кажется, с крыши их же башни, прыгнула ещё одна тварь, и его сбили с ног!

Барахтаясь внизу, под лавиной скользких и воняющих потом и мочой тел, и понимая, что это, скорее всего, конец, Марат, оказавшийся лицом кверху, заорал, и рубанул что было сил кинжалом по шее у головы, щёлкнувшей огромными дюймовыми клыками прямо возле его глаза...

Из дальнейшего он запомнил только, что ему прямо на лицо, слепя и заставляя отплываться, вылился буквально обжигающий поток омерзительно воняющей всё той же мочой, крови.

Но тут кто-то ударил его по шапке – по затылку.

И внезапно зрение, а затем и сознание, померкло...

То, что твари всё ещё бегут мимо замка, так и обегая его, словно ручей – камень, хотя и не такой густой толпой, как в первый час, сказала лорду Дилени, что, похоже, ресурсы врага истощаются. Разве что он припас кого в резерве – у границ. На случай контратаки.

Но их враг обычно так не поступает: он просто сразу кидает всех тех монстров, что пона-создавал там, у себя, летучих, ползучих и бегающих – в бой! В том количестве, что удалось подкопить к выбранному моменту нападения – вот как сейчас. Единым кулаком. Чтоб, стало быть, нанести максимальный возможный ущерб до того, как командование Тарсии найдёт действенные и адекватные методы противодействия. А проще говоря – способы с гарантией и максимально быстро поубивать прорвавшуюся, или принявшуюся за осаду, нечисть.

А работа этой нечисти уже видна. Вон: в трёх местах на юго-западе, на юге, и юго-востоке полыхает – будь здоров! Наверняка это горят подсохшие и готовые к косьбе поля, и заготовленные на зиму стога со скошенным ещё весной сеном.

Ладно, плевать на потери пищевых ресурсов, король, как обычно, выделит пострадавшим семьям на прокорм из стратегического запаса. Главное – другое: если гарнизоны близлежащих крепостей не подспеют на выручку, твари могут повырезать и людей из посадов.

Вот тогда – конец фермерству в северных приграничных районах: никто не решится вновь заселиться на эти земли. В дома, хозяев которых убили, заселяться нельзя.

Примета! Нельзя жить в поселениях, население которых было вырезано!

А нет ничего более стойкого, чем традиции и верования землепашцев. Передают же их изустно – от поколения к поколению. От деда – к отцу, от отца – к сыну...

– Внимание, взвод Бомпага! Приготовиться к вылазке! Сержант Харпер! На вашем взводе – прикрытие! Лейтенант, распорядитесь открыть ворота. – Дилени уже спускался вниз, в узкий и всё ещё тёмный колодец двора, чтоб принять командование. Вылазку со взводом пехоты и взводом лучников он хотел возглавить лично: ему казалось, что вблизи, с поверхности, он сможет лучше понять, что же и как им делать.

Лейтенант попытался протестовать:

– Но милорд! Вы не должны сами...

– Знаю! – Дилени, когда хотел, мог быть резок, и сейчас в голос не забыл подбавить стали, – На время моего отсутствия вы, лейтенант, остаётесь за старшего. Проследите, чтоб за нами закрыли засовы. И следите за нашими флангами.

Выходили на просторы каменистой равнины лучники сомкнутым строем. Пехотинцы, идущие точно так же впереди, прикрывали: щиты держали так, чтоб при необходимости быстро

принять построение «черепеха». Однако этого не понадобилось. К тому времени, как они перешли опущенный мост и отошли от ворот на сто шагов, число тварей вокруг, бегущих на юг, исчислялось буквально считанными особями!

Лорду однако это не помешало:

– Лучники! Растянуться в цепь! Стрелять во всё движущееся! Харпер! Ваши люди пусть прикрывают. *Просто* прикрывают. Без ненужной инициативы. – он видел, чуял, что люди готовы кинуться вслед тварям, и убивать, убивать... Но это – не их дело. Их дело – сохранить крепость во что бы то ни стало. А сейчас – просто провести разведку. И взять, если получится, языка.

Спокойно держась на расстоянии трёх шагов друг от друга, его люди уверенно двигались вперёд – туда, куда Дилени указал рукой: на север. Вокруг падали твари, поражённые стрелами его лучников. Однако через полмили твари, бегущие навстречу, вдруг закончились. Лорд, выругавшись про себя, приказал:

– Возвращаемся в замок! Стрелы из убитых не вынимать!

Возвращаясь, лорд подумал, что его люди реально – профессионалы. Никто из поражённых монстров не проявлял признаков жизни: какой тут, к чертям, «язык»!..

Не доходя до замка шагов сто, лорд, стиснув зубы, издали пронаблюдал, как огромный ворон сел на грудь одной из лежащих на спине убитых тварей, попереступал могучими чешуйчатыми лапами. Ключнул в глаз. И застыл на какие-то мгновения, склонив голову набок – словно не мог решить, что делать дальше. Глотать или не глотать.

Кусок оказался выплюнут, птица затрясла головой. Лорд уже не сомневался, что и последовавшие за первой попытки откусить от лапы и живота окончатся неудачно: мясо явно несъедобно! Даже для падальщиков.

Ничего необычного: твари лорда Хлодгара почти всегда несъедобны.

Наконец ворон, возмущённо каркнув, улетел прочь, а лорд, подошедший к этому времени на десять шагов к оставленной птицей мёртвой телу, сказал:

– Сержант Бомпаг. Прикажите вашим людям перенести вот этот... Этот и этот, – наплевав на приличия и этикет, Дилени указал прямо пальцем. – трупы внутрь. Пусть положат посреди двора, пока не станет светлее, я их осмотрю. Потом спустите в ледник.

Слушать отрывистые и конкретные команды сержанта было приятно: человек раздаёт их чётко, громко, компетентен, деловит. Твари оказались не тяжелы не только на вид, но и на самом деле: по двое солдат на тело оказалось вполне достаточно.

Ладно, придётся и правда – попытаться получше изучить, что за уродов их враг натравил на них на этот раз, поскольку убить удалось не больше ста двадцати: причём около пятидесяти сразу, при штурме, «отборных» и словно более крупных. И ещё пятьдесят или около того – когда стали собираться в пирамиды. Остальных же, похоже, самых медленных и небольших, и, следовательно, слабых – сейчас.

То, что зрение, как и сознание, вообще вернулось снова, Марата поразило.

Те, первые твари, орангутанги, и вторые, больше похожие на горилл, не останавливались, пока не перегрызали человеку горло, или даже не отгрызали эту самую голову напрочь... Раненных после их прохода не оставалось. Только мёртвые.

Но сомневаться не приходится: всё тело страшно ломит, словно сам, вместо волов, таскал тяжеленный двойной плуг. Причём не один день. В голове шумит, и во рту привкус чёртовой мочи... Но радует то, что, похоже, хотя бы все члены на месте: и руки и ноги ощущаются. И даже кое-как двигаются.

Марат попробовал поморгать, и разлепить глаза, сквозь которые пока кроме мутной пелены ничего видно почему-то не было.

Ага – чёрта с два!.. Лучше видно не стало.

Но с помощью пальцев правой руки удалось наконец расковырять спекшуюся и шершавую снаружи корку, что не позволяла открыть правый же глаз.

О...ренеть!

Набег-то продолжается!!!

Вон: видно в свете занимающейся зари, как мимо стен, и сквозь открытые ворота, пробегая посад, словно он – просто часть пути, несутся всё новые и новые твари, покидая очищенное от защитников селение через вторые ворота в южной стене!

Марат застонал, и удивился: вон оно как обстоит дело! Он совершенно ничего не слышит, даже себя! Только слабый звон и гул в ушах. Как это называется-то?.. А, да: контузия! Видать, неплохо ему приложили по башке...

Ну так погодите же, твари вонючие! Дайте ему только встать... И добраться снова до лука...

Однако это намерение привести в исполнение оказалось не так просто, как он надеялся. Во-первых, прямо на него оказалось навалено штук пять трупов поганных монстров: вот почему так тяжело было шевелить руками и ногами! А во-вторых...

Во-вторых всё вокруг словно плыло и качалось, будто он стоит на несущейся во всю прыть телеге, которую тащат понесшие от укуса овода лошади... Их посадский знахарь, дед Бобур, называл такое состояние, кажется, «сотрясение мозга».

В том, что это именно оно, Марат убедился, когда спихнул с себя испачкавших его с ног до головы своей вонючей липкой кровью, тварей, и смог кое-как, придерживаясь рукой за перила, встать на ноги. Голову повело куда сильнее, и что-то словно ударило его под дых: желудок вывернуло наизнанку, и он буквально повис на этих самых перилах, извергая слюну и желчь, кашляя и стеля.

Однако рвота прекратилась быстро, и после неё Марату вроде как полегчало.

Доковыляв до своего лука, валявшегося тут же, рядом с трупами Роберта и Локхида, на лице которого застыло выражение дикой ненависти, Марат заставил себя сжать зубы, и поднять верно служившее ему все двенадцать лет «взрослой» жизни, оружие. Колчан из-за спины, что странно, никуда за это время не делся. Скользкими пальцами он нащупал стрелу. Не-ет, так не пойдёт.

Пальцы он тщательно вытер о тыльную сторону рубахи, еле найдя сухой клочок: льняная одежда была пропитана чужой кровью почти насквозь.

Вот теперь тетива не вырвется из пальцев!

Он наложил первую стрелу. Прицелился, особо не выбирая: твари, словно его и не существовало, продолжали себе бежать и мимо частокола, огибая посад, и сквозь него, широким потоком вливаясь в распахнутые настежь северные ворота, чтоб не задерживаясь, вылиться через точно так же распахнутые южные.

Первого монстра Марат свалил выстрелом в спину: не до этики и совести! Второго удалось поразить сбоку в грудь, стрела вошла прямо подмышку! Оба монстра словно налетели на невидимую преграду: так и грохнулись оземь, не сделав и пары шагов!

Твари возле убитых вскинулись, злобно, но тихо, словно вполголоса, заверещали – он не слышал, но догадался по тому, как оскателились гнусные рожи! – и метнулись к нему: похоже, увидели, что он поднялся на ноги!

Пока к нему бежали, Марат успел сделать ещё три выстрела. Но потом обнаружилось, что тридцать отборных стрел в колчане закончились! Пришлось отбросить ставший бесполезным верный лук, и снова схватиться за саблю – благо, она валялась тут же, у затылка Роберта! А вот кинжал куда-то запропастился – а искать некогда!..

Твари, забравшись по лестнице, и подбежавшие было к нему, повели себя странно. Остановились в двух-трёх шагах. Марат в свете уже в полную силу разгоревшейся зари видел, как ноздри примерно десятка залезших к нему монстров расширяются и сужаются – похоже, те

пытались что-то унюхать! Марат так и замер – со сжатой обеими руками перед собой саблей, и готовый при первом же шаге к нему рубануть наиболее здоровенную тварь, недоумённо оглядывавшуюся вокруг, но...

Но монстры, не то снова получив какую-то команду, не то сами по-себе, словно чего-то искомого не найдя, вдруг кинулись прочь, и продолжили свой неукротимый бег на юг – словно Марата и не существовало!

Да что же это за!..

Марат тряхнул головой. Прислонился к одному из столбов башни, поддерживавшим крышу – странно, но все четыре столба сохранились.

Почему же твари не кинулись на него, и не прикончили?! Он-то отлично сознавал, что в таком состоянии, когда всё вокруг качается и плывёт, и ноги так и норовят подогнуться, немного навоевал бы!..

Может, всё дело в том, что у него закончились стрелы? Или в том, что он замер?

Проклятье! До него вдруг дошло!!!

Ведь они – *нюхали*! А он – весь в крови убитых им и не им монстров!

Следовательно, он и пахнет – не как человек, а как монстр!

Но почему они руководствуются при выборе врага не зрением, как делают все нормальные существа из ныне живущих, а обонянием?! Может, так сделал их Хозяин, когда посчитал, что человек может замаскироваться, и спрятаться за кирасу и стальной шлем – и не узнаешь?! А вот запах...

Запах человека скрыть не удастся – что бы ты с ним не делал!

Так что получается – хорошо, что он измазан в чёртовой тварьей крови, словно свинья – в грязи!

С этой немудрёной мыслью он и позволил ногам подкоситься, и телу – упасть снова на помост. И понял, что теперь можно и потерять сознание.

Он в безопасности.

Покои леди Маргарет Рашель отличались удобством расположения – окна обеих комнат, что спальни, что будуара, выходили прямо на южную сторону замка. Это давало и отличный обзор, и тепло – даже в лютые зимние морозы солнце нагревало чёрную поверхность толстых каменных стен так, что это становилось ощутимо. Иногда леди даже казалось, что чудовищных размеров камин, что располагался в разделяющей её комнаты стене, чтоб нагревать их обе, даёт тепла меньше, чем исходит к вечеру от наружной стены. А ведь редкий зимний день в этом самом камине не сгорало чуть не полдерева...

Сидя перед старинным трюмо с почерневшим деревом столика и полок, и потускневшим от времени зеркалом, леди Рашель расчёсывала густые и шелковистые (Не зря же она каждое утро мыла их в настое ромашки!) волосы. То, что они огненно-рыжего цвета, ей нравилось. Потому что это отлично гармонировало с изумрудно-зелёным цветом её глаз. Она отлично помнила, как на праздновании её пяти лет отец, лорд Яппет, сказал на ушко матери, думая что за шумом праздничного застолья Маргарет не расслышит:

– Мать! Кого мы выродили? Она же влюбит в себя всех окрестных придурков!

И действительно, через какое-то время она уже отлично понимала, что отец оказался прав – обычно после первой же встречи, поглядев в её действительно ясные и большие глаза редко какой из юных (Да и не очень!) рыцарей не заливался густой краской, и не терял на какое-то время способности связно выражаться.

Ах, молодость, молодость... Повезло лорду Рашель – его удостоили чести получить её руку. Что же до сердца... Это мать настояла, чтоб она проигнорировала то, что душа совсем не лежит к тридцатипятилетнему ветерану постоянных войн с врагами Тарсии, с безобразным шрамом поперёк правой щеки. И с суровым взором орла и чуть сутулой спиной – словно он

не был аристократом в девятнадцатом поколении, а зарабатывал перетаскиванием мешков на пристани, как обычный простолюдин-разнорабочий.

Поэтому тот факт, что и после пяти лет брака она всё ещё испытывала к своему мужу вовсе не те чувства, что полагались бы в счастливом браке, а только уважение и настороженность, не позволил ей слишком уж расстраиваться его смерти в очередном бою очередной кампании. Она отлично понимала, что это – прямой долг и обязанность всех боеспособных лордов: быть профессиональными воинами и командирами. И защищать родную страну. А ещё она отлично понимала, что о том, что она не испытывает к мужу пламенной любви, известно не только самому мужу, но и всем окружающим, включая простых смердов из принадлежащих лорду Рашель деревень. Но сейчас, спустя почти два года после его смерти, она отлично осознавала, что отец и мать настояли на их браке не зря: лорд Рашель действительно ввёл её в Высший свет, поскольку попасть просто так в состав королевского Двора провинциальной баронессе, будь она хоть трижды красавица, нереально.

И вот она – на вершине.

Потому что дальше, будем честны хотя бы с самой собой – забираться по «карьерной» лестнице просто некуда: она в свои двадцать девять – фаворитка короля.

Нет, не то, чтобы леди Маргарет никогда не думала о том, чтоб стать и полноправной королевой – ведь леди Наина, после родов последнего, шестого, ребёнка, который умер почти сразу после родов, выглядит, словно бледная тень самой себя – прежней. Похудела, осунулась. Хотя – стан горделиво выпрямлен, и лицо поражает правильностью и красотой черт. Но на всех пирах, устраиваемых его Величеством его супруга сидит с отрешённым видом – словно всё происходящее вокруг, пышные красноречивые тосты, песни-похвалы её красоте и плодовитости от менестрелей, и обращаемые на неё иногда недоумённые взгляды придворных её никоим образом не касаются. И иногда кажется, что она вот-вот... Если выразиться в духе отца Маргарет, который не любил и не признавал этикета, высокопарных словесных реверансов, и прочих тонкостей стиля общения аристократов, и называл вещи своими именами – вот-вот пошлёт всех куда подальше, простыми и доходчивыми словами, и просто отправится к себе в покои – отсыпаться.

Однако леди Рашель отлично понимала, что у неё недостаточно союзников, да и просто – доброжелателей, чтоб ещё и поспособствовать ускорению процесса отдаления королевы от её официальной роли, и воцарению там себя, любимой...

А главное, что удерживало Маргарет от хоть какой-нибудь работы в этом направлении – отличное понимание того, что требовать с неё его Величество, если решится придать их отношениям официальный статус, будет только одного. Но – главного. Для продолжения славной династии Рюген.

Наследника.

Но вот родить...

Лорд Рашель в своё время озаботился – выписывал лекарей, причём самых лучших, и из Лории, столицы Парассии, где, по слухам, тем удалось продлить жизнь короля Хлодвигу до девяноста четырёх лет, и из Церна, где лекаря могли сделать плодовитой и пятидесятилетнюю старуху, и...

И – ничего.

Не смогла она понести, хотя лорд Рашель, нужно отдать ему должное, прилагал к этому все усилия, почти каждую ночь, когда бывал дома. А не находился в очередном походе, или на очередной охоте.

Но добился он только одного: леди Рашель освоила и научилась получать удовольствие во всех вариантах «взаиморасположения», которые они перепробовали в попытках обеспечить это самое зачатие, и легко могла некими действиями придать лорду и его уставшему красно-головому воину живость и твёрдость. В исполнении.

Наконец, спустя уже три года брака, лекарь из далёкого Эзенгарда, в отличии от своих предшественников долго и тщательно осматривавший её обнажённое тело не только снаружи, но и раздвинув с помощью странных инструментов те сокровенные части её организма, которые мог и имел право рассмотреть только законный супруг, сказал лорду Рашель то, что не решались сказать его многочисленные предшественники:

– Боюсь, милорд, что не смогу подарить вам надежду. Весь мой опыт говорит о том, что понести леди Рашель не сможет. У неё нет самого важного для этого чуда, органа. – наклонившись к уху лорда, лекарь прошептал это слово ему на ухо. Но Маргарет и сама догадалась.

Нет у неё матки.

В древности такую болезнь врачи Предтеч называли мутацией.

А сейчас – просто уродством. Врождённым. С которым уже ничего сделать невозможно – это раньше, говорят, древние медики могли чуть ли не искусственно оплодотворить женщину. Или даже вырастить младенца вообще – без тела матери!

Но слухам и домыслам об этом уже лет триста никто не верил, и они ходили, особенно среди простого люда, в виде легенд и сказок... Не слишком правдоподобных. Что не мешало детишкам хлопать широко раскрытыми глазами, разевать рты, и восторгаться.

В дверь вежливо постучали. Маргарет, поймавшая себя на том, что невидящим взглядом уже несколько минут смотрит в окно, на начинающиеся в паре миль густые заповедные леса Дуссерской равнины, вскинулась:

– Лейла!

Камеристка, она же по совместительству и главная служанка, и наперсница, и няня, переехавшая с Маргарет вначале из замка отца, где она её растила и пестовала хозяйку с полутора лет, к мужу, а затем – и в замок короля, с тяжким вздохом поднялась с табурета, где она ждала распоряжений хозяйки, штопая свою ночную сорочку. Прошла к двери:

– Иду, иду... Кого это там принесло...

Принесло доверенную фрейлину королевы, леди Ханну Осберг.

– Могу ли я видеть леди Рашель? – её чуть надтреснутый гнущийся в нос голос узнать было вовсе не трудно. Вот уж не заморачивалась находящаяся в летах особа работой над тем, чтоб придать внешности – привлекательности, а голосу – медоточивости.

– Разумеется, миледи. – Маргарет быстро поднявшись, вышла в приёмную, отлично осознавая, что вряд ли это – визит вежливости. И, скорее всего, от неё что-то нужно именно королеве. Поскольку она отлично знает, что его Величество отбыл, а с ним – и вся армия. (Кроме, разумеется, гарнизона крепости, где остались королевские отпрыски и Двор.) А, следовательно, оттягивать или скрываться под предлогом болезни, или того, что ещё не встала, нет смысла. Отлично весь замок знает, что она встала. И где провела ночь.

– Доброго дня, миледи.

– Доброго дня, миледи. Чем обязана?

– Моя госпожа, её Величество, – вредная старуха не упустила случая выделить тоном эти слова! – королева Наина, просила спросить вас, не смогли бы вы, миледи, выбрать время и возможность... Посетить её. – глаза снулой рыбы на густо запудренном, чтоб, очевидно, не возиться с макияжем, лице, моргнули. – Прямо сейчас.

– Безусловно. – леди Рашель удержалась от того, чтоб нахмурить чело, но подумала, что румянец мог всё равно выступить на щеках и шее, – Передайте её Величеству леди Наине Рюген мои самые искренние заверения в моей нижайшей покорности, и сообщите, что я прибуду, как только смогу привести себя и свою причёску в надлежащий вид.

– Великолепно. – ни голос пожилой женщины, ни её взгляд не выразили удовлетворения от того, что стрела явно попала в цель, и презренная интриганка-выскачка отлично осознаёт своё подлинное место в иерархии династии Рюген. – Я немедленно передам её Величеству полученное от вас любезное согласие.

Дверь за сухопарой дамой в старинном кринолине закрылась, и леди Рашель подумала, что, собственно говоря, следы возраста видны у той лишь на лице. А фигурой она запросто даст фору самой стройной и изящной молодой фрейлине её Величества – хотя возможно, конечно, что тут вносит свой вклад и перетянутый корсет.

По коридору затопали уверенные неторопливые шаги – а молодец старушка. Осанки и хватки не потеряла. Наверняка подкралась на цыпочках, и ещё минут двадцать предварительно подслушивала у двери – не проболтается ли о чём новая фаворитка своей доверенной служанке. Ну и леди Маргарет Рашель не вчера родилась. Кое-чему научила мать, а кое-чему – и муж. Лорд Рашель.

Услышать, как она разговаривает с Лейлой не смог бы и шпион, стоящий в двух шагах. Потому что они больше использовали знаки-буквы: языком глухонемых Маргарет овладела в пять лет, поскольку часть горничных и поваров были из деревни, где эта болезнь почему-то скосила чуть ли не всё население. Но вот готовили они великолепно, да и работали не лентясь.

А то, что они мало говорят, устраивало лорда Яппета как нельзя лучше.

Болтунов у них в семье отродясь не водилось.

Покои королевы находились, собственно, по другую от королевских апартаментов сторону, и выходило на восточное крыло замка. Её Величество изволили любить зрелище восходящего светила.

Поэтому дошла леди Рашель за каких-то две минуты. Пришлось только спуститься на один уровень: королева в последние три года предпочитала жить поближе к земле – на втором этаже. Возможно, так ей было удобней наблюдать за внутренним двором, где обычно играли в небольшом, разбитом прямо под её окнами, чистеньком и уютном садике, дети. Королевские отпрыски.

Вот и сейчас, после того, как леди Маргарет впустили в высокие и просторные – не то, что у неё! – покои, королеву она застала в третьей комнате, у стрельчатого широкого и высокого окна, смотрящей куда-то вниз.

Маргарет приблизилась на положенные этикетом пять шагов. Присела в реверансе:

– Ваше Величество!

Королева не сразу оглянулась. А оглянувшись, вдруг вместо приветствия приказала:

– Подойдите ко мне, леди. Плевать на этикет – становитесь прямо сюда. – леди Наина указала на место в футах от себя. Леди Рашель осторожно подошла, радуясь, что кринолины давно отменили, и только упрямая ретроградка леди Ханна упорно не желает отказываться от этой моды – возможно, пытаясь таким образом оставаться в тенетах ностальгии по прежним временам. Или просто выказывая таким образом протест тенденциям – надо признать, быстроменяющимся! – очередного витка столичной моды. А вот нынешние, почти свободные, и удобные платья или юбки позволяют стоять буквально – вот именно почти вплотную друг к другу. Иначе им у окна вдвоём бы и не поместиться.

– Взгляните. – жест тонкой мраморно-белой руки, нисколько, впрочем, худобой её изящную линию не портившей, указал на трёх девочек и старшую горничную, возившихся сейчас внизу, у скамейки, на которой были разложены куклы и кукольный домик, с распахнутым нутром, обнажавшим сейчас банкетный, он же – парадный зал. В котором всё, как поняла Маргарет, было приготовлено к обеду: расставлены чашки и тарелки. И дочери короля, их высочества – девочки девяти, семи и шести лет – как раз раскладывали вилки и ножи, что-то оживлённо приговаривая.

С минуту никто из женщин ничего не говорил.

Убедившись, что леди Рашель вполне прониклась духом мирной игры, царившим внизу, в десятке ярдов, королева отошла от окна, и проследовала к трону. На который, осторожно взойдя по трём ступенькам, и очередным явно отработанным изящным жестом чуть придер-

жав подол платья. Уселась. Нарочито медленно и спокойно. Леди Рашель не осталось ничего другого, как снова встать перед этим тронном в положенных пяти шагах, и снова склониться в реверансе. Молча.

Королева, долго и – странное дело! – с явным одобрением рассматривавшая стройный стан, красивое лицо и пышные волосы соперницы, тоже не спешила начать диалог. Затем соизволила чуть улыбнуться:

– Вам нравятся дети?

– Да, миледи. У вас очень милые дочери. И смыслённые и крепкие сыновья.

– Да, смею надеяться. Правда, я считаю, что его Величество напрасно взял в сегодняшний поход нашего старшего – Дэниэля. Впрочем, он – король, ему и решать. А младший сейчас на занятиях. Кажется, сегодня он изучает бой на рапирах. – и, внезапно, без всякого перехода, – Так вот, миледи. Я позвала вас именно сейчас потому, что наш король, да хранит его Господь, уехал. Следовательно, нам никто не помешает.

Мне хотелось показать вам это. – чуть заметный кивок и глаза, обращённые в сторону окна. – Чтoб вы прониклись. Пониманием того, что я очень люблю своих девочек. А тем более – сыновей.

Поскольку возникла пауза, Маргарет, которая отлично видела, что всех обычно снующих вокруг королевы фрейлин и приживалок нет, и даже слышала, как дверь после её прихода в комнату закрыли и заперли снаружи, вполне оценила опасность. Сказала:

– Ваше Величество. Я как никто другой понимаю, что любовь к детям – самое святое и светлое чувство. И оно, несомненно, именно тот стимул, тот двигатель, который направляет все помыслы родителей. И обуславливает все их поступки.

– Вот-вот, именно – *все*. Как добрые, разумные, так и... Не будем поминать *никаким* словом мать нашего повелителя – да пребудет с её душой милость Господня.

И я очень рада, что вы, миледи, поняли меня. И прошу и в дальнейшем воздержаться от того, чтoб... – королева не закончила и эту фразу, недвусмысленно глянув на свой живот, из которого уже вышло шесть носителей королевской крови, но Маргарет и без этого всё отлично поняла. И отреагировала на недвусмысленную угрозу:

– Разумеется, ваше Величество! Впрочем, вы ведь наверняка отлично знаете, что в данном вопросе никаких проблем для династии Рюген нет и быть не может. Господь лишил меня возможности создавать жизнь, и таким образом дарить мне и кому бы то ни было, кто мог бы претендовать на почётное звание отца, как радость...

Так и хлопоты.

– Превосходно. – по тону королевы невозможно было догадаться, говорит ли она серьёзно, или иронизирует, но смысл сказанного она наверняка поняла, потому что после паузы, нарушить которую Маргарет даже не помышляла, её Величество продолжила, – А ещё на втором месте по значимости для меня благополучие его Величества. И Страны.

Маргарет позволила кончикам губ чуть приподняться: в этом вопросе их интересы полностью совпадали:

– Ваше Величество! Поверьте: интересы и благополучие его Величества... И страны... В *моём* списке приоритетов – на первом месте. И все мои помыслы и стремления направлены именно к достижению этой цели. Я не настолько глупа или наивна, чтoб не понимать этого. Впрочем, об этом вы, несомненно, догадались и сами.

– Я рада, что мы столь быстро пришли к взаимопониманию. Что ж. Хочется верить, что в таком виде ситуация сохранится и в будущем. Благословить в том деле, что сейчас занимает всё ваше время и силы, разумеется, не могу. Но и препятствовать не вижу смысла. Пока его Величество счастлив и удовлетворён, я... Тоже удовлетворена.

Не смею больше отнимать ваше драгоценное время. – королева трижды хлопнула в ладоши, и дверь – только сейчас, услышав, как вновь повернулся ключ в замке, Маргарет

поняла, что королева рассчитывала на свои силы, и в случае, возникни у них «недопонимание», легко «разобралась» бы с ней. Кинжал, брошенный тренированной рукой. Дротик с обмазанным ядом кончиком. Люк в полу. Да мало ли!..

Поскольку «школа», которую леди Наина получила у упомянутой королевы-матери явно отличалась многообразием способов «решения проблем несговорчивых».

Дверь щёлкнула и открылась. Холодок банального страха пробежал по позвоночнику леди Рашель – разрази её гром! Ведь и правда: в распоряжении её Величества наверняка оставались все те яды и их носители – от отравленной шкатулочки до кружевного платочка! – что заботливо и скрупулёзно изготавливала и копила её почившая свекровь.

Но леди Рашель прекрасно понимала и то, что ей после состоявшегося разговора бояться нечего. Вроде. И держаться нужно с достоинством, что бы она ни думала, или не помнила про способы разделаться с неугодными, которыми венценосная свекровь обожала пользоваться. По поводу и без повода.

Склонившись в третьем глубоком реверансе, леди Рашель с затаённым удовлетворением подумала, что королева у них – рационалистка. И реалистка. С одной стороны понимает, что фаворитка его Величеству положена по статусу, с другой – она сама должна изображать если не оскорблённое этим фактом, то хотя бы – недовольное Величество.

И если она не будет вести себя так, по Двору могут пойти неллицеприятные и даже гнусные слухи. О том, что, дескать, наша королева утратила хватку. И своё влияние на его Величество. А так – недалеко и до потери лица. И уважения. И статуса.

Собственно, мысль о том, что рано или поздно её вызовут на что-то вроде вот таких «разборок», Маргарет посещала часто. И произошедшую только что беседу она предвидела и мысленно проиграла варианты давно. Ещё в те далёкие дни, когда после похорон со всеми подобающими почестями её мужа, его Величество сир Ватель приказал ей переселиться в её теперешние апартаменты. И прямо приказал даже не помышлять о том, чтоб вселиться в законную вотчину – замок династии Рашель. Уже тогда она вполне оценила перспективу стать (Разумеется, после положенных восемнадцати месяцев глубочайшего траура!) новой фавориткой.

Такое положение дел, если честно, леди Рашель устраивало.

Потому что в замке мужа до сих пор полноправной хозяйкой являлась уже её свекровь, пережившая и своего свёкра, и своего мужа, и своего единственного сына. Что её непреклонного характера, и сварливого нрава, разумеется, не улучшило. Ну а поскольку здоровьем Бог леди Дайану Рашель не обделил, леди Маргарет Рашель предстояло выяснить на практике, как удержать сердце... И другие органы своего короля – возле себя. И желательно подольше. Потому что в отцовском замке вступил в свои права старший брат, Людвиг. И возвращением овдовевшей а затем и «разжалованной» из фавориток сестры он вряд ли будет доволен.

Так что нужно думать, искать пути и способы, и стараться продержаться в роли фаворитки для начала – хотя бы больше года.

Ни одной из предыдущих пяти красавиц этого не удалось.

И, как теперь понимала Маргарет, не потому, что были некрасивы – вот уж нет! – а потому, что быстро наскучили сире Вателю. И жеманными гримасами и капризами, как леди Кора, и вспышками то гнева, то – безудержного веселья, как леди Паула, (Вот уж отвязная и развязная была особа, это признавали даже её так называемые подруги!) то – просто приступами меланхолии и беспробудным пьянством, как леди Бьянка Монтгомери... Позволявшая себе к тому же оскорбительные высказывания при свидетелях в адрес её Величества.

Так что то, что королева будет тем или иным способом намекать, что если леди Рашель не хочет скоростижно и весьма мучительно скончаться, как та же леди Бьянка, от недоброкачественных якобы грибов, то должна отлично осознавать своё место и свои обязанности, Маргарет понимала превосходно. Поскольку не ленилась пользоваться мозгами. А думать её научил отец. При всей своей прямолинейности он обладал неплохим даром чётко расклады-

вать на составляющие и понимать тонкости любого вражеского построения и задумки – будь то в бою, или в хитрой интриге. Словом, аналитическим умом она, кажется, пошла как раз в него. Зато неувядающей долго, хочется верить, что годов до пятидесяти, красотой и статностью – в мать. Та и в пятьдесят выглядела на тридцать. А сзади – так и вообще – на двадцать. И талия у матери до сих пор – пятьдесят семь.

Нет, по здравом размышлении леди Рашель понимала, что разговор с королевой прошёл куда проще и легче, чем мог бы. Но, похоже, что их королева тоже брала уроки у кого-то вроде её отца: она – пусть и ханжески практична, но и – гуманна. Ясно дала понять, что с её стороны никаких репрессий, если будут соблюдаться условия их негласного договора, не последует. И то, что Маргарет не может рожать, королеве тоже на руку.

А ещё её Величеству на руку то, что у сира Вателя самая красивая, и, похоже ещё и самая умная и рассудительная фаворитка за всю историю Тарсии. И то, что все официальные послы и гости обзавидуются, облизываясь, вообще замечательно.

В какой-то степени это тоже поднимает престиж их страны.

То, что разбудил Бориса оглушительный отрывистый, и словно нервный, сигнал горна, сказало сразу о многом.

Во-первых, о том, что это – не учебная тревога.

Перед учебной тревогой всегда можно по каким-то намёкам догадаться о том, что ночью предстоит или марш-бросок в полной выкладке, или тренировочный бой с другим подразделением на деревянных мечах, или – стрельба из лука в темноте, рассеиваемой лишь неверными сполохами двух-трёх факелов, по хаотично движущимся мишеням. И традиционно-обязательный и изнуряющий марш-бросок состоится только после неё. И – только для тех, кто не выбил положенную норму очков. Те, кто выбил – пойдут на правах привилегированных стрелков в казармы. Досыпать.

Поэтому уж что-что, а стрелять Борис умел – куда там многим ветеранам. Собственно, он и сам понял, что многие новобранцы и его приписывают уже к этому почётному сословию. Оно и верно: он в лучниках уже, почитай, девять лет... Капрал!

Так что то, что намёков на учебную не было, говорит об очередном набеге.

А «намёки» эти обычно выражаются в том, что сержант особо строгим тоном, и хмуря брови, велит перед ужином привести в порядок оружие. Или в том, что на ужин дают огромную порцию бекона или говядины. Или в том, что в башнях королевского дворца, а точнее – крепости – Клауда – до отбоя и много позже горит свет в зале для совещаний высшего военного руководства...

Да мало ли!

Но на памяти Бориса два раза состоялись и настоящие, не учебные, тревоги. Первая – когда им пришлось в марш-броске преодолеть пять миль, и, рассыпавшись цепью по лесу Ривендолл, отстреливать и рубить в капусту огромных крыс – те упорно не желали отступать, пытаясь прорваться к густонаселённым провинциям, ближе к центру Тарсии. Ну и хорошо. Потому что так их куда легче оказалось поубивать, чем если бы они попрятались по норам, а вылезли только на следующий день.

Во второй раз, полтора года назад, бегать никуда не пришлось.

Зато пришлось забраться на крышу казармы, и все сторожевые вышки лагеря, и потратить практически весь запас стрел, убивая всё прибывающих и прибывающих с севера огромных плотоядных летучих мышей, про укусы которых им сообщили, что он – ядовит! Когда кончились стрелы, в ход пошли и мечи, и копья, на которые гнусно верещавшие твари так и кидались! Словно сами желали приблизить свою смерть!

Впрочем, может, твари и действительно не понимали, что нападать с когтями и зубами на подготовленных и отлично владеющих любым оружием профессионалов – просто само-

убийство. Хотя позже, обсуждая с сослуживцами эту проблему, Борис и его друзья и коллеги пришли к неутешительному выводу, что как раз они, Армия, и являлись приоритетной целью гнусных тварей. Ведь выведи Армию из строя – и плохо вооружённые и слабо, или вообще не тренированные, и обычно не защищённые надёжными шлемами и кирасами фермеры адекватного сопротивления оказать не смогут!

Сосед Бориса по нарам, тоже капрал, Гарри Остерманн, свесившись с верхней полки, выпятился на Бориса:

– Никак, тревога?!

– Да, похожа на настоящую. Ну, чего застрял? Высоты боишься?

В ответ капрал спрыгнул мускулистым пузом прямо как был, в одних трусах, прямо на спину уже вскочившего с нижнего лежака Бориса:

– Точно! Спасибо, что спас моё тело от удара о грешную землю!

Борис ничего не ответил, но его локоть очень точно въехал прямо под ребро коллеги. После чего у того сразу пропала охота беречь своё тело от «соударения с землёй». Как и говорить. Разве что шипеть и материться.

Оделись быстро: тренировки!

Построение перед казармой, на плацу, состоялось меньше чем через минуту после сигнала тревоги. Старший сержант Симон Борде, с горящими глазами, и раздувающимися от предвкушения схватки с очередным врагом, ноздрями, командовал:

– Равняйся! Смирно! Взвод! Слушать вводную!

Вслед за остальными сержантами, выстроившими на обширном плацу свои взводы, ту же команду повторили и лейтенанты рот, и капитаны батальонов.

Полковник Люциус, с видимым удовлетворением убедившийся, что шеренги замерли в полной неподвижности, не стал ходить вокруг да около. Его зычный голос отлично доходил бы и до самых потаённых закоулков, если бы таковые имелись в обнесённом пятиметровым тыном трёхтысячном лагере:

– Солдаты, сержанты и офицеры! Вы, разумеется, уже догадались, что тревога не учебная. Всё верно: на нас опять напали. Если присмотритесь, – полковник махнул рукой, – отлично видно чёрный дым. Это горят нивы и луга наших фермеров! Наш заклятый враг, проклятый колдун Хлодгар, опять натравил на нашу страну новых тварей. На этот раз – двуногих. С руками, ногами, как у нас, и головой с очень прочным черепом! Эти твари – самые, пожалуй, опасные. Поскольку явно обладают умом и боевыми навыками. И – хорошо вооружены!

По имеющимся у нас сведениям – саблями, булавами, клевцами и топорами. То есть – оружием ближнего боя. Есть у них и кольчуги – но слабые, на небольшой дистанции брошенную стрелу не задерживают. Ещё есть щиты. Правда, тоже – лёгкие, из прутьев, не то обтянутых каким-то толстым войлоком, не то – внутри набитыми ватой. Они от стрел защищают неплохо – зарубите себе это на носу, и не тратьте боезапасы зря!

Зато! По данным разведки, у врага нет ни тяжёлого осадного оружия, ни луков. Бегут они без определённого боевого построения – разрозненной и неплотной толпой. Так же и дерутся – поодиночке! И сотрудничают друг с другом, помогая и подставляя спины лезущим наверх, только при штурме посадских тынов. А атакуют *все* встречающиеся по дороге населённые пункты.

Но по данным той же разведки они в первую очередь всё-таки стремятся сжечь всё вызревшее зерно, и просохшее сено. И, конечно – под корень вырезать всё мирное население тех посадков, что удастся взять сходу, штурмом. Понятное дело, что убивать они будут вообще всех, кто живёт в Тарсии – до кого сумеют добраться!

И убивают – всех. Не разбирая, без жалости. Начиная от грудных младенцев, до дряхлых стариков! Им на руку играет то, что их очень много. Более десяти тысяч.

К счастью, донесение из замка Милдред поступило вовремя, и гарнизоны западных и восточных крепостей уже выступили, чтоб перекрыть дороги и подходы к нашим самым плодородным землям, и густонаселённым районам. Оборона западного и восточного валов тоже уже в порядке. Но основная масса монстров, по данным разведки, движется прямо на нас. К столице. И её пригородам и посадам грозит немедленная опасность.

Значит, действовать будем так.

Сейчас – марш-бросок в полной выкладке и с двойным запасом стрел. До равнины Ундинос, где у нас имеется основная линия обороны. Враг не сможет переправиться через Теннор, поскольку мосты уже убраны, и пакетботы адмирала Ван Ден Граафа заняли позиции на фарватере. Следовательно, врагу деваться некуда, и он выбежит прямо туда – к валу Адриана. К нашим траншеям и редутам. Наша задача – добраться туда за час! Занять оборудованные заранее позиции. И в первую очередь стремиться убить как можно больше тварей – стрелами. То есть – не подпуская врага на дистанцию ближнего боя максимально долго. И уж только потом, если твари подберутся вплотную – вступать в рукопашную. Повторяю: мы должны убить *всех*, кто будет нас атаковать!

Как нашему руководству кажется, это должно получиться. Потому что – повторю: враг атакует не организованными отрядами, или плотными рядами, с надёжными бронированными щитами, а – нестройной массой. Толпой. Где каждый – сам по себе. Собираются они воевать, следовательно, не по какому-то определённом плану, а – навалом! То есть – за счёт только численного перевеса! И не берут пленных, да и сами – не сдаются живыми.

Наша задача – доказать им и их владыке глупость и ошибочность их амбиций и тактики.

Потому что я верю: все вы – отлично тренированные воины! И запросто попадаете даже ночью – белке если не в глаз, то в задницу – уж точно!

Бойцы! Помните – жизнь и безопасность населения Тарсии – в ваших руках!

Поэтому разбирайте оружие, и – вперёд!

А сейчас нале-во! В Арсенал бегом марш!

Бег в полной выкладке, да ещё с двойным запасом стрел, по даже отлично выровненной дороге с хорошо утоптаным покрытием, ночью, в свете чающих и бликующих факелов, удовольствие, мягко говоря, на любителя. Мимо, подпрыгивая в такт шагам, пролетали стволы и кусты подлеска, в топоте сотен сапог по дороге еле слышно было тяжёлое и частое дыхание сотен же ртов. Глядя, как покрывается потом шея и спина переваливающегося перед ним Остерманна, Борис ругался. Мысленно, разумеется. Чтоб не сбивать себя с ритма и дыхания. Лево-правой, раз – два! И пусть бег в составе взвода и происходит не в максимально быстром темпе, который они, тренированные профи, способны развивать в критических ситуациях, на поддержание даже его всё равно уходит чертовски много сил. Единственное, что утешает – вид мерно подпрыгивающих в такт шагам, уставших, потных, и перекошенных гримасами, лиц и затылков вокруг, уставших ничуть не меньше, и озабоченных тоже лишь единственной мыслью: скорее бы всё это закончилось!

А закончиться оно может лишь в единственном случае: если они и правда – перебьют поголовно всю эту очередную орду!.. Нет: не «если», а – когда! Даже в мыслях нельзя давать врагу ни малейшего шанса: их армия – сильнее! А враг...

Враг у них непредсказуемый. Интересно, что там за тварей чёрный Властелин придумал на этот раз... В кольчугах? Со щитами? Хм-м...

Но Борис не позволял себе отвлекаться на посторонние мысли, чтоб и правда – не сбиться с шага и дыхания: через десять минут они уже должны быть на месте: вон, впереди, в чаще леса Ривендолл, по которому они бегут, появился ширящийся просвет! Значит, выход на равнину Ундинос, к их готовым позициям у вала Адриана – близко!

А хорошо, что позиции подготовлены давно. С другой стороны – как им не быть подготовленным?! Ведь если убраны наплавные мосты через глубокую, быструю и полноводную реку Теннор, перебраться на другой берег без ну очень большого количества заранее подготовленных плавсредств – никак невозможно. Да и корабли адмирала не станут просто смотреть на такое! А полковник сказал, что у очередных тварей с собой только мечи и щиты. Значит, рано или поздно они как раз к линии траншей и редутов и выбегут.

Стволы вокруг наконец расступились, и они оказались на обширной равнине, в это время года покрытой подсохшей, высотой по колено, травой. Правый фланг укреплённых башенок, разбросанных в, казалось бы, хаотичном порядке, редутов, на самом деле чётко укладывается в тактическую схему: расставленные на расстоянии ста шагов друг от друга, башни не перекрывали друг другу сектор обстрела, и в то же время могли подстраховывать – если противнику удалось бы вклиниться в оборону глубже, чем на ту же сотню шагов.

А обычно этого не происходило – полоса из двух параллельных траншей десятифутовой глубины и ширины, с земляными стенами, укреплёнными фашинами из плетней на ближайшей к редутам стороне не позволила бы преодолеть эшелонированную линию обороны так просто, сходу. Особенно, если у противника не имеется лестниц или мостков.

А у противника не имеется.

– Внимание, взвод номер один! Ваши редуты один и два. Взвод два – ваши – третий и четвёртый! Третий!..

Пока лейтенант Фриланд чётким звонким голосом раздавал команды, Борис оглянулся вокруг.

Всё отлично. Сказывается огромная практика и долгие изнуряющие тренировки: что пехотинцы со своими копьями и двуручными мечами, что они, лучники, с мощными и тяжёлыми армейскими составными луками и коротенькими саблями-мечами для ближнего боя, уже чётко рассредоточились по своим позициям: даже сержанту Борде не нужно отдавать никаких дополнительных команд, хотя он не из тех, кто упустит случай показать своё рвение:

– Первое отделение! Редут номер один. Второе. Ваш – второй. Третье отделение – выстроиться в цепь за линией пехоты между первым и вторым!

Два первых отделения их взвода уже и сами полезли на лестницы трёхметровых, собранных из толстенных брёвен, редутов, которые внутри на три четверти высоты были засыпаны утрамбованной землёй – для вящего удобства, а также для того, чтоб поднимающиеся до пояса брустверы из брёвен давали хоть какое-то прикрытие, если б враг надумал стрелять по людям. Огромнейший частокол кончавшегося здесь двухмильного тына, прикрывающего вход в лес своими пятнадцатифутовыми, вкопанными на половину немаленькой длины, заострёнными стволами, оказался от Бориса всего в сорока шагах. И уж он-то знал, что на эту преграду можно положиться, поскольку пришёл в армию именно в тот год, когда строительство этого тына как раз заканчивалось. Но попотеть при установке последних трёхсот футов успел.

Тридцатифутовые стволы – от курайской ели. То есть – просмолёны насквозь. (Поэтому когда ворочали их, казалось, что это не деревья, а мраморные колонны – тяжеленные до ужаса!) Зато их вкопанные части не сгниют в земле ещё лет этак триста... А от того, чтоб кто-нибудь попробовал забраться прямо по ним, защищены надёжно: промазаны с наружной стороны. Хеклом.

Пехота быстро заняла позиции у второго, ближайшего к редутам, рва, забравшись на насыпи, имеющиеся перед траншеями, и рассредоточившись в цепь. И приготовив копья. Борис и все его соратники из третьего отделения тоже растянулись в цепь, встав за спинами легших наземь пехотинцев. Три метра длиннющей ямы и ещё полтора – насыпи за мощным плетнём, и поставленные стоймя фашины – достаточно хорошая защита от тварей. Особенно, раз те – без осадных лестниц, мостков и луков!

Что само по себе казалось достаточно странным, учитывая предыдущие нападения. Ну, с теми, первыми обезьяноподобными, и вторыми – совсем уж обезьянами. Про крыс и летучих мышей вспоминать смысла нет – против таких противников валами и рвами не защитишься. Правда, и хлопот они доставили всё же поменьше. Но вот теперешние твари...

Борис невольно ловил себя на том, что рука тянется всё время к затылку – помочь мозгам думать. А думать никто пока не мешал. И время тянулось чертовски медленно. Казалось, с тех пор, как они прибежали, заняли места и отдышались, прошли часы, хотя внутренне Борис отлично понимал, что пока в ожидании прошло не больше десяти минут. Солнце, поднявшееся над равниной, освещало поле будущего боя отменно. Единственное неудобство – оно же и нагревало спину и бок, прикрытые кирасой так, что струйки пота вскоре начали прокладывать себе дорожки вниз, у пояса сливаясь в одно неприятно мокрое, и холодящее тело, пятно.

Ничего: во время схватки ему будет не до этих привычных мелких неудобств. Пусть казённое обмундирование и не всегда удобно, и тяжеловато, зато вот именно – защищает. Жизненно важные органы и части тела. Оставляя свободными руки.

Дозорный, стоящий на высоченной башне дозорной вышки, вдруг заорал во всё горло, и принялся истоиво наяривать, колотя изо всех сил в маленький колокол, подвешенный к стропилам вышки, и оглашая поле будущего боя поясняющими выкриками: «Вон они! Бегут!», дублируя уставной сигнал колокола.

Ну вот. Сейчас начнётся!

Борис встал поудобней, поёрзал носками и каблуками сапог, удобней зарываясь в утоптанную землю бруствера. Для меткого и сильного боя из его массивного оружия нужна не твёрдая рука, и не меткий глаз... А – уверенная и надёжная стойка!

Через пяток минут из-за длинного плоского увала в дальнем конце поля показался противник – он и правда, двигался разрозненно, поодиночке, и без какого-либо намёка на упорядоченное боевое построение.

Борис невольно прищурился, чуть поворачивая голову то влево, то вправо – чтоб лучше видеть. Да, видно теперь хорошо. Действительно, твари бегут без вот именно – строя, хаотично, и расстояние между отдельными воинами доходит до десяти шагов. Странно. И наивно: от прицельного поражения из луков такой строй, даже с рывками и прыжками бегущих в разные стороны – не спасёт! И враги не могут этого не знать. Проверяли уже. Нет, не совсем так: это их предшественники проверяли. А знает – их хозяин.

Теперь Борис думал, что хорошо, что они, то есть, армия, построили десять лет назад, после самого первого нападения обезьяноподобных, тын из пятиметровых брёвен. Выводящий стремительно несущегося врага прямо к Валу. И пусть этот тын охраняет поверху всего один батальон, рассредоточенный по длинным мосткам, проходящим по всей тыльной его стороне, на метр ниже заострённых концов по всей его двухмильной длине, такой защиты вполне хватает, чтоб проконтролировать и пресечь попытки любого проникновения. Да и зачем бы противнику лезть под убийственный огонь, и штурмовать скользкие высоченные брёвна, если впереди открыта вся огромная равнина Ундинос: забегай – не хочу!

Но это только хитро рассчитанная их Штабом тактическая уловка: на самом-то деле, из-за увала и не видно, что узкое и кажущееся легко доступным горлышко равнины, там, в глубине, надёжно перекрыто. И тот, кто оказался зажат между руслом трёхсотфутовой глубокой и полноводной реки, и пятнадцатифутовым частоколом тына, вдруг поймёт, что оказался в бутылочном горлышке, перед отлично продуманной и организованной, и даже дублированной, линией обороны! До этого – просто невидимой!

И выход у такого нападающего теперь имеется лишь один.

Вернее – два: или отступить, пробуя прорваться к плодородным внутренним землям богатой Тарсии где-нибудь в другом месте, преодолевая густые непролазные дебри тайги, и

гиблые торфяные болота, или... Или сходу ломануть вперёд, принять неравный бой, и, скорее всего, потерять если не всю, то – большую часть своих озверелых орд.

Сержант проорал, снимая наконец со спины и свой, особо мощный, лук:

– Ждать, пока приблизятся на дистанцию поражения! Один монстр – один стрелок! Стрелять только в тех, кто бежит прямо на тебя! Огонь по готовности!

Приказы стандартны, и можно было бы их и не отдавать – и пехотинцы и лучники и сами отлично знают, что делать. Однако всю эту привычную лабуду поспешили повторить и сержанты остальных взводов, и Борис услышал, как череда отрывистых команд, словно по цепи, передаётся всё дальше – туда, где другой фланг линии обороны надёжно перекрывает полноводный Теннор. И пакетботы адмирала.

Но вот твари и приблизились. Можно бы, конечно, приглядеться, и рассмотреть получше те мерзкие рожи, что видны теперь, отблёскивая чем-то вроде чешуи, в лучах поднявшегося уже достаточно высоко солнца. Но – зачем?!

От знания того, что из себя представляет, и как выглядит рожа мерзкой тварюги, которую нужно убить единственной стрелой, целиться удобней не станет! Поэтому с тем же успехом это может быть не лицо, а просто пятно – словно из тех, что намалёваны на тренировочных мишенях.

Борис сжал губы, наложил первую стрелу. Выдохнуть. Отодвинуть от груди лук, оттянув тетиву. Прицелиться. А теперь плавно...

Есть! Первая же тварь, в грудь которой он направил бронебойный наконечник, оказалась словно отброшена назад невидимой огромной рукой: торопливый бег прервался, и тварь грохнулась оземь там, где стрела её и настигла: в семидесяти шагах от рва! И когда тварь перевернулась на бок, Борис чётко увидел, что стрела сделала даже больше, чем он мог рассчитывать: измазанный в крови бронебойный шестигранный наконечник торчал из кольчуги на спине наружу на добрую ладонь!

А вот теперь, увидав, что твари и правда, очень даже легко поражаются прямо сквозь дохленькую, хоть и отблёскивающую полированными кольцами, кольчугу, принялись стрелять и остальные соратники Бориса! Твари так и посыпались на землю, словно спелые груши под осенним ветром! Борис ещё успел подумать, что очень глупо поступил тот, кто приказал им бежать разреженным строем – лучники успеют поразить так очень много «отдельных мишеней», прежде чем хоть кто-то доберётся хотя бы до первого рва. Который и выкопан для того, чтоб тот, кто бы ни преодолевал его, вынужден был бы приостанавливаться, перехватывать оружие, и карабкаться на противоположный склон-отвес, подставляя себя под огонь в эти моменты вынужденной малоподвижности...

Правда, вскоре Борису некогда стало думать над тонкостями фортификации или руководства тварями: работа пошла хоть и привычная, но очень напряжённая. Буквально за пять минут он расстрелял весь первый колчан с его тридцатью стрелами, и скинул его с плеча на землю, чтоб тут же приняться за второй. Когда через ещё десять минут закончился и этот, пришлось выхватить меч, и встать в ряд. Плечом к плечу с коренастыми и ошетилившимися остриями копий в сторону второго рва, пехотинцами. Наблюдая, как из глубины этого самого второго рва уже лезут первые прорвавшиеся, негромко вереща и злобно клацающая челюстями!

Оказалось, что череп у чёртовых тварей чертовски прочен! Первую же, которую Борис рубанул что было сил, прямо в лоб, не убило, а просто отбросило! Но и так получилось неплохо: потому что упав, она зацепила и прихватила с собой на дно рва двух лезших рядом тварей!

Ладно, учтём. Вторую Борис рубанул в место, где шея переходила в плечо. Ну, вернее, это место он определил, скорее, логическими размышлениями: не имелось у тварей никакой шеи, а просто голова сидела, будто прилепленная неумелым или ленивым скульптором, прямо на туловище! Но получилось тоже хорошо: кольчужная рубаха, призванная защищать торс твари

от мечей и сабель, кончалась всего в двух пальцах от того места, куда пришёлся удар, перерубивший до половины эту самую условную шею!

Тварь, выпучив громадные глаза и разевая рот в совсем беззвучном теперь крике, завалилась назад, сразу потеряв способность к сопротивлению. Борис заорал:

– Бейте в шею, сразу под челюстью, и над рубахой! Шея перерубается!

Он не знал, последовали ли его совету остальные, да и услышали ли: в азарте кровавого дела все воины-люди обычно и орали, и ругались, и кололи и рубили, с хрипом и присвистом втягивая воздух в разгорячённые лёгкие, и вряд ли слушали – разве что автоматически прислушивались бы к командам сержанта, реагируя на знакомый голос. Но сержант, как краем глаза успел увидеть Борис, сейчас как раз отбивался от троих особо настырных и здоровенных тварей. Подумав, Борис просто отбросил назад в ров пинком в живот очередную тварь, и быстро сделав три шага, одну из пытавшихся разделаться с его непосредственным начальником тварей поразил ударом снизу вверх – в спину, в область печени, пронзив насквозь кольчугу, что здесь явно была потоньше.

Тут уж не до «честности» или порядочности!

Тварь «поразилась», замерев на долю секунды, а потом просто шмякнувшись на землю бесформенным мешком, выронив клевец из лапы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.